

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Б И Б Л И О Т Е К А РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА КАРЕЛИИ

Под общей редакцией
А. АСТАХОВОЙ и В. БАЗАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1948

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ФОЛЬКЛОРНЫЕ З А П И С И А.А.ШАХМАТОВА В ПРИОНЕЖЬЕ

*Подготовка текстов, статьи и
примечания А. АСТАХОВОЙ и*

С. ШАХМАТОВОЙ-КОПЛАН

предисловие М. АЗАДОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1948

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя А. А. Шахматова, как гениального исследователя истории русского языка, как автора составивших эпоху в истории древней русской литературы и русской истории трудов по летописанию, известно каждому культурному человеку в нашем Союзе. Но далеко не всем известно, что Шахматов был вместе с тем и замечательным фольклористом, с именем которого связан ряд выдающихся изданий и предприятий.

В истории русской фольклористики Шахматов навсегда останется памятен прежде всего как исключительный и неутомимый организатор и вдохновитель ряда работ и исследований по русской народной словесности. Академия наук активно включилась в дело собирания и исследования памятников народного творчества сравнительно поздно, — только в 50-е годы, когда во главе вновь созданного Отделения русского языка и словесности встал И. И. Срезневский. Его блестящим продолжателем явился в этом отношении А. А. Шахматов.

Годы деятельности Шахматова в Академии наук — и особенно годы, когда он руководил всей работой Отделения языка и литературы — являются периодом необычайного расцвета в Академии русских языковых и фольклористических изучений. В 1896 году под его редакцией возобновляется издание «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук», — и возобновляется в такой форме, что можно с полным правом говорить о создании нового органа. Новую форму получило и другое издание Отделения — неперIODические «Сборники» Отделения, без обращения к которым так же, как и без обращения к «Известиям», не может работать ни один лингвист-диалектолог и ни один фольклорист.

Шахматов необычайно оживил собирательскую деятельность во всей стране. По его инициативе или при его энергичной поддержке организовывались экспедиции из центра в различные части России и субсидировались местные начинания, — у него же находили всегда горячую

поддержку начинающие молодые ученые. Великолепно осведомленный об этой черте биографии Шахматова, покойный академик Н. К. Никольский свидетельствует: «При поддержке Шахматова предпринимались многочисленные экспедиции и командировки по России и за границу для собирания материалов по диалектологии, истории русской письменности, былевой поэзии и фольклора, для составления диалектологических и этнографических карт, для пополнения областных словарей, для описания рукописных собраний и старопечатных книг, для изучения бытовых остатков старины и т.д. Благодаря Шахматову усилилась ученая производительность провинциальных учреждений и исследователей».

Многие труды по языку и фольклору смогли увидеть свет только благодаря мощной поддержке Шахматова, как например, знаменитое издание «Сказки и песни Белозерского края» бр. Соколовых. Самая экспедиция бр. Соколовых была задумана и организована Этнографическим отделением Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете; но Общество оказалось не в силах осуществить издание такого монументального сборника, который явился результатом этой экспедиции. А кроме того, возник ряд исключительных цензурных трудностей, преодолеть которые было возможно лишь авторитетом Академии наук.

В течение долгого времени А. А. Шахматов стоял во главе Этнографического отделения Русского географического общества и был председателем редакционной коллегии журнала «Живая старина». Шахматов принимал живейшее участие и в работах «Сказочной комиссии» общества: известное издание «Сказок Архива Русского географического общества», выполненное А. М. Смирновым-Кутачевским, было закончено и увидело свет только благодаря настойчивости Шахматова.

Но в историю русской науки о фольклоре Шахматов входит не только как организатор, но и как исследователь — собиратель и теоретик. Эта сторона его научной деятельности сравнительно мало еще освещена в печати и малоизвестна вследствие отсутствия соответственных материалов. Настоящий выпуск должен открывать собою серию изданий, задуманных сектором фольклора Института литературы совместно с Институтом истории, языка и литературы Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР.

Как фольклорист-сборитель Шахматов занимает особое место. Его можно назвать фольклористом-диалектологом. Позволю себе пояснить эту формулировку. Конечно, каждый фольклорист, если он работает вполне научно, является в какой-то степени и диалектологом. С другой стороны многие диалектологи охотнее всего записывали фольклорные тексты, видя в них особо важный материал для изучения говора. Но для тех и других имела значение только интересующая их сторона: фольклорист дорожил особенностями говора как одним из существеннейших элементов формы фольклорного текста, неразрывно связан-

ного с народной речью; для диалектолога — фольклор один из многих источников изучения народной речи. Для Шахматова же это были две стороны единого явления. Его обращение к фольклору тесно связано с общим пониманием жизни языка и процессов народной жизни. Основной тезис Шахматова заключался в том, что исторические изучения языка должны исходить преимущественно из фактов живого языка, — это и привело его к непосредственному изучению народного творчества. Понять историю языка немислимо было для него без познания живой исторической жизни народа. Замечательно письмо Шахматова его учителю и наставнику, проф. Ф. Ф. Фортунатову: «Вместо заграничной командировки, которая так необходима при занятиях другими предметами, командировка внутрь России при занятиях русским языком более чем желательна. Преподавание истории русского языка предполагает знакомство с историей русского народа, с нравственным и умственным состоянием его в прошедшем и настоящем. Здесь в постоянном общении с живой народной струей я запасусь той энергией, которая будет мне необходима, чтоб подъять тяжелое бремя профессуры, запасусь тем живым интересом к родному народу, который научит меня глубже и разностороннее вникнуть в его язык».

И, может быть, потому Шахматов умел так проникновенно воссоздавать живые образы древних летописцев, что на заре своей исследовательской работы внимательно изучал живые образы других носителей народной культуры — певцов былин и сказителей-сказочников.

Нужно признать, что безукоризненных записей памятников фольклора очень мало, — записи диалектологов бывали часто наименее удачными. Это потому, что они стремились, главным образом, уловить фонетические и морфологические особенности говора, — вслушиваясь в «слова», часто теряли из виду речь в целом, — отсюда меньшее сравнительно внимание к целостному строю народной речи, к ее синтаксису. Записи Шахматова в этом отношении, действительно, безупречны, хотя чисто фольклористические проблемы в ту пору его менее интересовали.

И хотя Шахматов не сохранил биографических сведений о слышанных им сказителях, но их художественное своеобразие, мастерство предстают необычайно выпукло вследствие безукоризненной формы записи. Таковы сказки старушки С. Ю. Тараевой, включенные в состав сборника Ончукова, сразу же обратившие на себя внимание знатоков и специалистов.

Шахматов внес крупный и замечательный вклад в дело изучения русского фольклора Карело-Финской ССР. Его диалектологические записи составляют основу для изучения говора русского населения страны; его фольклористические записи привлекли (после долгого перерыва) внимание к местной сказке и ввели в науку первоклассный, великолепный материал. В значительной степени, благодаря Шахматову, увидел свет и знаменитый в истории изучения местной сказочной традиции сборник Ончукова.

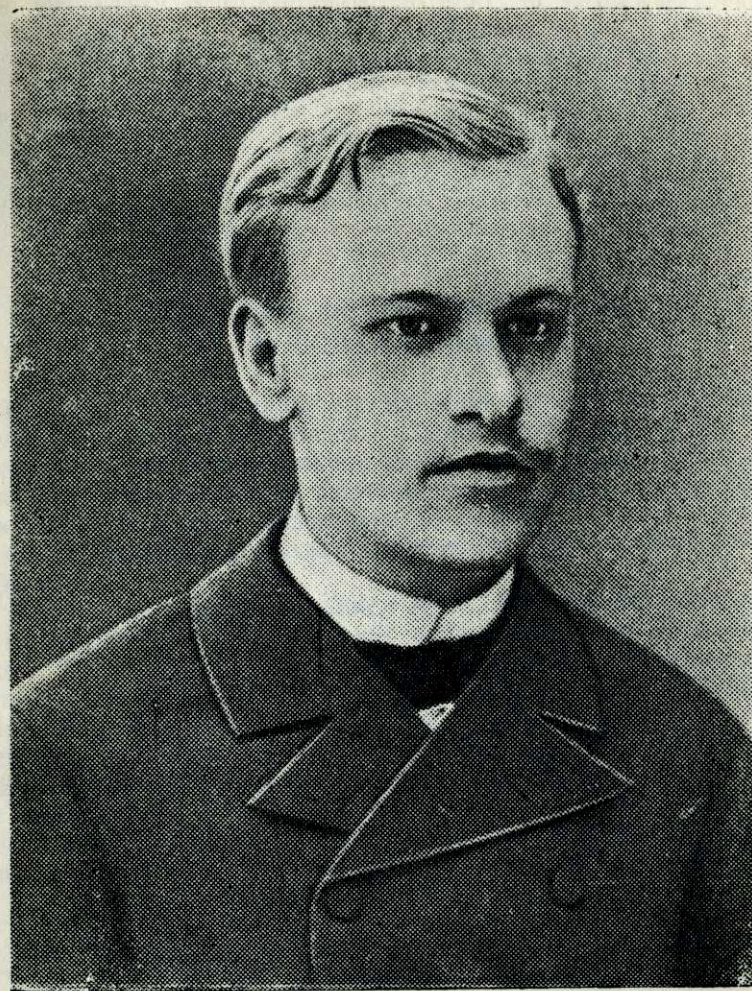
В настоящий сборник вошли не все олонечские записи Шахматова; остальные составят содержание следующего выпуска. Данный выпуск посвящен исключительно былинным записям, а также текстам причитаний, записанным от Тараевой. Известная ранее только как сказочница, она предстает ныне перед нами, как разнообразная носительница фольклорной традиции: как сказительница былин и как превосходная плакальщица.

В заключение необходимо отметить, что возникновение настоящего сборника в значительной степени обязано исключительной дочерней преданности и энтузиазму Софии Алексеевны Шахматовой-Коплан, скончавшейся в тяжелые дни ленинградской блокады. Именно она обратила внимание на эти, долгое время оставшиеся неизвестными, записи и тщательно, уделив этому много времени и труда, подготовила к печати далеко не легкую рукопись.

Подлинник записей Шахматова хранится в Архиве Академии наук СССР.

Редакция сборника считает своим долгом выразить благодарность и признательность за неизменное содействие в работе директору Архива Академии наук СССР Георгию Алексеевичу Князеву.

М. Азадовский.

А. А. Шахматов (1884 г.)

ОЛОНЕЦКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАПИСИ А. А. ШАХМАТОВА

В русской фольклористике академик А. А. Шахматов известен как собиратель сказок.¹ Однако сохранившиеся в его рукописном наследии² записи памятников народного творчества обнаруживают более широкий круг его фольклорных интересов и открывают неизвестные до сих пор научные результаты его специальных диалектологических поездок 1884, 1895, 1908 и 1912 гг.

Первые фольклорные записи А. А. Шахматова относятся к его поездке в Олонецкий край летом 1884 г. Они заключают в себе 71 сказку, 11 былин, 2 духовных стиха, 30 загадок и большое количество свадебных песен и причетов.³ Не считая себя собирателем и специалистом в области фольклора, углубленный в лингвистические исследования, Шахматов в свое время не привел собранные им материалы в порядок. Правда, все тексты песен и былин были им переданы тогда же этнографу Е. В. Барсову, который в середине 1880-х годов собирался издать сборник песенного и былинного творчества Оло-

¹ С. В. Савченко. Русская народная сказка (История собирания и изучения), Киев, 1914, стр. 161—162 и статья И. В. Карнаухова „Сказочники и сказка в Заонежье“ в сб. „Крестьянское искусство СССР, I, Заонежье“ Л., 1927, стр. 116—117.

² Архив АН. 134.

³ Фольклорные материалы Шахматова представляют собою 80 листов in fo, мелко исписанных карандашом, местами уже стирающимся. Лл. 1, 4 и 5 обведены чернилами самим Шахматовым; тексты сказок, изданных Ончуковым, перечеркнуты красным и синим карандашом, как использованный материал; сделанные мною копии со всего остального материала переданы в архив сектора фольклора Института литературы Академии наук СССР.

нецкой губернии.¹ Но это намерение не было осуществлено. Былинные записи Шахматова, по неизвестной причине, не были переданы Е. В. Барсовым и в сборник, составлявшийся Н. С. Тихомировым и В. Ф. Миллером.² Этим объясняется отсутствие имени Шахматова как собирателя былин в составленной Ю. М. Соколовым библиографии былинных записей, производившихся после П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга в Олонецком крае.³

В 1905 г. Н. Е. Ончукову представилась возможность издать собранные им печорские и поморские сказки при содействии Отделения этнографии Русского географического общества. Шахматов предложил Ончукову присоединить к этим сказкам и свое собрание; поэтому Ончукову пришлось затребовать от Е. В. Барсова те рукописи Шахматова, в которых содержались вместе с былинами и песнями также и сказки. Барсов необходимые рукописи возвращал частями, а сборник Ончукова уже печатался, и этим объясняется, как говорится в предисловии к сборнику, нестройность расположения материалов Шахматова.⁴ Имея теперь полную рукопись, мы можем исправить все эти неточности. (См. ниже таблицу).

Таким образом, олонецкие сказки, собранные Шахматовым, увидели свет лишь через 24 года после того, как они были записаны; остальные же записи пролежали под спудом более полвека.

В конце 1883 г. акад. И. В. Ягич предложил Шахматову участвовать в одном из выпусков специального временного органа Отделения русского языка и словесности Академии наук — „Исследования по русскому языку“.

По совету Ягича, Шахматов предназначил для нового издания начатое им исследование об языке новгородских грамот XIII и XIV веков. Этот труд знаменателен тем, что молодой ученый впервые обратился в нем к изучению оригинальных древнерусских рукописных памятников, убедившись в недостаточности показаний памятников церковно-славянской письменности. В процессе этого труда Шахматов ощутил необходимость расширить свои лингвистические исследования путем привлечения нового материала, а именно живых народных говоров. Считая языковые свидетельства рукописных памят-

ников ограниченными и не всегда надежными, Шахматов пришел к тому убеждению, что историческое изучение языка должно исходить преимущественно из фактов живого современного языка. Возникшее в те годы у молодого лингвиста предпочтение данным живых говоров перед данными письменных памятников стало руководящим методом всей последующей научной деятельности Шахматова.

Полученный за исследование о языке новгородских грамот гонорар молодой ученый решил употребить на диалектологическую поездку для проверки своих выводов о судьбе звуков *ei* „ять“ в русском языке. Получив по ходатайству акад. Ягича от Академии наук аванс в размере 100 рублей, Шахматов в течение июля и августа 1884 г. путешествовал по Олонецкой губернии.

Выбирая Олонецкий край для своей поездки, Шахматов надеялся, благодаря уединенности и отдаленности этого края, „найти там обособленный от влияния городских наречий говор, в котором вместе с тем резко сказывались бы диалектические особенности.“¹

Несомненно также, что на выбор Шахматова повлияли поездки сюда известных собирателей 1860—1870-х годов П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, давших, помимо записей памятников народного творчества, захватывающих по новизне и интересу, еще ценные для лингвиста сведения по диалектологии,² а также поездка историка русского языка М. А. Колосова, записавшего в Олонецкой губернии сказки, свадебные и игровые песни и снабдившего свои записи обзором фонетических особенностей, ударений, форм словообразований, синтаксиса.³

Начав свое путешествие из Петрозаводска,⁴ Шахматов побывал в северо-западной части б. Олонецкой губернии, при-

¹ Так объяснял это решение Шахматов в реферате о своей поездке, прочитанном им 3 октября 1884 г. в заседании этнограф. отдела Общества люб. естествозн., антроп. и этнографии при Моск. университете.

² П. Рыбников. Об особенностях олонецкого подречья, „Песни, собранные П. Н. Рыбниковым“, ч. IV, СПб. 1867, стр. 275—299; А. Ф. Гильфердинг. Олонецкая губерния и ее народные расказы, „Онежские былины“, СПб., 1873, стр. VII—XLVIII.

³ М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северовеликорусского наречия. „Сборник отд. русск. яз. и слов. Академии наук“, т. XVIII, № 3, СПб., 1877, стр. 117—207.

⁴ Сведения о поездке Шахматова дают следующие материалы: сообщение его — „Этнографическая поездка в Олонецкую губернию“ — прочитанное им 3 октября 1884 г. (см. „Труды этнограф. отдела О-ва люб. естеств., антроп. и этногр. при Моск. университете“, кн. VI, М., 1886, стр. 53—54); путевая тетрадь, в которую Шахматов заносил свои лингвистические наблюдения, с указанием обследованных им пунктов (Архив АН, ф. 134, оп. 1, № 225).

¹ Указание на это имеется в черновом наброске той заметки Шахматова, которая была предпослана его записям сказок, изданных Н. Е. Ончуковым в 1903 г. (Архив АН, ф. 134, оп. 1, № 32).

² Русские былины старой и новой записи, М., 1894.

³ Юрий Соколов. По следам Рыбникова и Гильфердинга (сб. „Художественный фольклор“, ГАН, М., 1927, II—III, стр. 5—6).

⁴ Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908 („Записки Русск. географ. о-ва по отд. этногр.“, т. XXXVIII, стр. XVII). См. также письма Н. Е. Ончукова к Шахматову (Архив АН, ф. 134, оп. 3, № 1090).

легающей к Онежскому озеру. Довольно продолжительное время он провел в Кондопожской волости, постепенно поднимаясь к северу по Повенецкому тракту, передвигаясь то на лошадях, то водою на лодках, чаще пешком. Из Кондопожской волости, где Шахматов заметил сильное городское влияние на народную речь, он отправился в Заонежье, чтобы проследить там заинтересовавшее его явление „ляпания“, на которое ему указали, „как на нечто смешное, отличающее Заонежье“.¹ На небольшом пространстве этого полуострова он имел возможность установить наличие двух говоров, очень сильно отличающихся один от другого; один из них он наблюдал в Великогубской волости (Петрозаводский уезд) и Шунгской волости (Повенецкий уезд) и назвал его кижешунгским или ляпающим; другой говор он встретил в Толвуйской волости (Петрозаводский уезд).²

Но изучающий живые говоры неизбежно становится и этнографом и фольклористом; поэтому первая диалектологическая поездка Шахматова дала ему возможность впервые соприкоснуться с сокровищами народного творчества. Летом 1884 г. выработались у Шахматова и методика записей, и умение подойти к человеку, расположить его к себе участием к его личной жизни, вызвать в нем доверие к себе, без чего немислимо общение фольклориста с народным певцом и сказителем.

Свой отчетный доклад о поездке Шахматов кончил следующими словами: „Кроме непосредственных наблюдений над языком, Шахматов, желая запастись образцами народного говора, записал довольно много материалов с уст народа. Сказок им было записано более шестидесяти: они были для референта особенно интересны ввиду того, что их язык наиболее близок к разговорному. Свадебные вопли и былины Шахматов записывал только тогда, когда они ему случайно попадались, но несмотря на это, у него получилось довольно большое собрание свадебных причитаний. Ему попалось и несколько былин...“

Обширный диалектологический материал, собранный Шахматовым в Олонецком крае, был частично использован им в его „Исследованиях о языке новгородских грамот“ (СПБ, 1886; Дополнение, стр. 210), а также в его диссертации („Исследования в области русской фонетики“. Варшава, 1893) и

¹ „Ляпаньем“ называется, по объяснению местных жителей, выговор на я, „ляпающие“ называются ляпсаками“. (Путевая тетрадь III, л. 7).

² Сообщая об этом в своем реферате, Шахматов замеченное им различие поставил в связь с наблюдением Гильфердинга относительно того, что „кижские певцы совершенно иначе поют былины, чем толвуйские“.

в ряде последующих статей. В лексической своей части этот материал послужил ценным вкладом в „Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении“ (составл. Г. И. Куликовским. СПб, 1898).

Считая свои записи „образцами народного говора“, собираемыми как диалектологический и лексический материал, Шахматов, вооруженный специальной подготовкой лингвиста, вел свои записи с точным соблюдением всех диалектных особенностей произношения, главным образом фонетических и акцентологических.¹

Первые записи сделаны Шахматовым в Кондопожской волости. Первой и одной из самых выдающихся из встреченных им сказителей и певцов была старушка Степанида Юплиновна Тараева, из дер. Верхне-Задней. Записанный от нее материал характеризует ее не только как сказочницу, но и как сказительницу былин, духовных стихов и свадебных причетов.²

Некоторые неизвестные до сих пор биографические данные о Тараевой представляет текст ее письма к сыну. (Письмо было, повидимому, написано Шахматовым под диктовку Тараевой с сохранением диалектологических особенностей и в такой редакции сохранилось среди фольклорных записей Шахматова³; второй же экземпляр письма, наверно, написанный уже без диалектизмов, был отправлен сыну Тараевой).

„Сыну моему любезному Олексию Яковлевицу от матушки Стёпаниды Юплиновны отсылаю родительское благословение и прощение по гроб моей жизни и низко кланюсь сыну моему любящему Олексию Яковлевицу поклон. И я прошу тебя сын мой любезный пришла ль у тебя жона туда три недели времени как послана а ведомо нет никакого. Как тебе и не совестно, живешь семнадцать недель а слыху нет сюды. Нужель ты боишься того меня поить и кормить, всё ровно меня кормя добрыи люди. Невестушки моей любезной Олксандре Кириловни низко кланяюсь и просила я тебя уведомить сюдыкова что как прошла дорогой и я соскучалась дожидаячис вашего письма сюдыкова. Ну ещё напишите мне гди Харитон: ушоу ли ён домой али нет. Ежели не ушоу

¹ Тщательность записей Шахматова и их ценность, равнозначущую и для лингвиста и для фольклориста, отметили С. В. Савченко (op. cit., стр. 167—168) и проф. Б. А. Ларин („Сказки М. М. Коргуева“, кн. 2, Петрозаводск, 1939, стр. 636).

² Тараева, как хорошая сказочница, была отмечена С. В. Савченко (op. cit., 165), а проф. М. К. Азадовским причислена к избранным мастерам русской сказки. („Русская сказка“, Academia, М.-Л., 1932, стр. 357—368).

³ Архив АН, ф. 134, оп. 1, № 80, л. 12.

то пишете сюдыкова, а ежели ушоу то пушай и то увёдомя, а не ушоу так отнесите поклон от матушки Стёпаниды Юплиновны сыну Харитону Яковлевицу.

В город Повенец, в деревню Гай Сельгу, пастуху občественному Олексию Яковлевицу Тараеву.

Пришлите мни-ка денёг хоть сколько-нибудь; самы знаете что нўжда здесь велика; рсботать я не могу да и роботы худыи дожди, так не бёрут люди. Ты как невестушка желаеш буде домой, так приходи: лён хороший рвать нужно, не знаю, как я могу управиться с ним; жыто хороше; буде желаеш иди, буде нит как хочеш; срботано будет. Адрес ты напишэш на версх".

Из сказителей, встреченных Шахматовым в Заонежье, следует упомянуть Андрея Тимофеева, по прозвищу Кумоха. От него А. Ф. Гильфердинг записал в 1871 г. две былины и отметил его как одного из лучших певцов былин.¹ После Шахматова Андрей Кумоха пел еще Ф. М. Истомину (1 июня 1886 г.) былину „Перемет Васильевич“ („Смерть Чурилы“).²

В настоящем сборнике печатается лишь часть собранных Шахматовым материалов, а именно — причитания, записанные от Тараевой, и все былины, записанные им в Олонецком крае.

Это дает возможность, во - первых, изучить весь репертуар отдельного сказителя; во-вторых, сличить былины одного и того же сказителя, петье в разные годы.

Для более ясного представления о ценных для русской фольклористики результатах поездки Шахматова 1884 г. мы даем таблицу его записей, где отмечаем как места записи, так и сказителей, давших Шахматову тот или иной фольклорный материал. Нужно при этом заметить, что в своих фольклорных записях Шахматов проставлял очень краткие и неполные сведения о сказителях и не всегда уточнял название местности. Указанными в таблице селениями не исчерпывается весь маршрут первой диалектологической поездки Шахматова. По путевой тетради его видно, что он побывал еще в следующих деревнях и селах: Иссельга, Вырозеро, Кодозеро, Пергуба, Кажма, Тамбицы, Лопская деревня и друг. Но в них он, повидимому, фольклорных записей не производил.

¹ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, изд. 2-е, т. 1, СПб. 1894, стр. 17, 247—265.

² Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш.

ТАБЛИЦА ФОЛЬКЛОРНЫХ ЗАПИСЕЙ А. А. ШАХМАТОВА
В ОЛОНЕЦКОМ КРАЕ В ИЮЛЕ — АВГУСТЕ 1884 г.

Место записи	Сказители	Возраст	Что записано	Архив АН СССР, фонд 134, оп. 1, № 80
1. Кондопожская волость, с. Кондопога	Степанида Юплиновна Тараева из дер. Верхне-Задней (в 5 в. от Кондопоги)	старушка	4 сказки ¹ 2 былины 2 духовных стиха 6 свадебных и 2 похоронных причета	Лл. 1—11 12 об.—17
„ „	Иван Михайлович Дериглазов	65 л.	2 песни	л. 12
„ „	Феофан Алексеевич Пормаков или Брин	63-й год	4 сказки ²	лл. 18—20
д. Тавой-гора	Лукерья Филимоновна Маркова	21—22 л.	3 сказки ³ и 2 песни: „Вьюга“ и свадебная	лл. 21—25
с. Илемская Сельга	Тимофеевна	около 60 л.	Свадебные причеты	л. 26
„ „	Максим		1 сказка ⁴	лл. 26 об.—27
„ „	Савостьян		1 сказка ⁵	лл. 27—28
„ „	жена Савостьяна		1 сказка ⁶	лл. 28 об.—29
с. „Лижма	без имени Шошина	старуха	5 сказок ⁷ 1 сказка ⁸ , 30 загадок и плач сироты	лл. 30—32 л. 33
„ „	Медведева	старуха	4 сказки ⁹	лл. 33 об.—34
„ „	Екатерина Васильевна	30 л.	3 сказки ¹⁰ и „Плач невесты-сироты“.	лл. 34 об.—36

¹ Онч. №№ 118, 119, 120 и 78; имя и отчество Тараевой у Ончукова не обозначены.

² Онч. №№ 83, 84, 82 и 81.

³ Онч. №№ 79, 80 и 116.

⁴ Онч. № 122; у Ончукова без имени.

⁵ Онч. № 123; у Ончукова без имени.

⁶ Онч. № 85.

⁷ Онч. №№ 86, 87, 107, 109 и 108.

⁸ Онч. № 102; Ончуков ошибочно приписал эту сказку Медведевой.

⁹ Онч. №№ 104, 105, 106 и 103.

¹⁰ Онч. №№ 99, 100 и 101.

Место записи	Сказители	Возраст	Что записано	Архив АН СССР, фонд 134, оп. 1, № 80
с. Лижма	Архипова	старуха	Свадебные песни и причеты	л. 35
" "	без имени		Свадебные причеты и 1 былина	лл. 34, 36 об. — 37
д. Кедрово	Андреевна Анна Ивановна	65 л. старуха	2 сказки ¹ 3 сказки ²	л. 45. л. 38—39
" "	Устинья Дмитриевна	25 л.	2 сказки ³	л. 39 об. — 41
д. Лукин Остров	Гришина	35 л. старуха	5 сказок ⁴ 1 сказка ⁵ и свадебные причеты	л. 41 об. — 44 лл. 35, 37 об. — 38
" "	Семен Акинфов		2 сказки ⁶	л. 46—47
" "	Михайловна	30 л.	3 сказки ⁷ и „Великопостная песнь“ (отрывок быliny).	л. 47 об. — 48
с. Горка	старуха		1 былина	л. 49
" "	старуха		1 сказка ⁸	л. 50
" "	старуха		1 былина и песня	л. 50 об. — 52
П. Заонежье Толвуя	Андрей Тимофеевич Кумоха (д. Загорье)	73 л.	3 быliny ⁹	л. 53—55
" "	Авдотья Корнельевна	31 г.	1 сказка ¹⁰ и свадебные причеты	л. 55—56
" "	Мария Павловна		6 сказок ¹¹	лл. 56 об. — 58.
Шуньга д. Завьяловка	Прасковья Александровна		2 сказки ¹² и свадебные причеты	л. 59—61.

¹ Онч. №№ 97 и 98.

² Онч. №№ 94, 95 и 96.

³ Онч. №№ 88 и 89.

⁴ Онч. №№ 92, 121, 90, 91 и 93.

⁵ Онч. № 112.

⁶ Онч. №№ 110 и 111; у Ончукова ошибочно „Аксенов“.

⁷ Онч. №№ 113, 115 и 114.

⁸ Онч. № 124.

⁹ По сведениям, сообщаемым А. Ф. Гильфердингом, Андрею Тимофеевичу в 1871 г. было 60 лет. („Онежские быliny“, изд. 2-е, т. I, стр. 247).

¹⁰ Онч. № 117.

¹¹ Онч. №№ 139, 141, 142, 140, 143 и 144.

¹² Онч. №№ 147 и 148.

Место записи	Сказители	Возраст	Что записано	Архив АН СССР, фонд 134, оп. 1, № 80
д. Шунгский бор	старуха		2 сказки ¹	л. 61—об. — 64
с. Падмозеро	старик	лет 50	Свадебные причеты	л. 64
д. Палтега	женщина	средних лет	1 былина	л. 65
" "	старуха		1 былина и 2 сказки ²	л. 65—67
д. Пурги	Митрофан Иванович	старик	2 сказки ³	л. 68—72
" "	Никита Иванович		4 сказка ⁴	л. 72—73
Яндомозеро	старуха		3 сказки ⁵	л. 73, 75, 76
" "	Маланья Фокична		Свадебный обряд	л. 74
" "	без имени		Свадебные причеты	лл. 77—78
Великая губа	молодая женщина		6 сказок ⁶	л. 78 об. — 80

С. Шахматова-Коплан

¹ Онч. №№ 146 и 145.

² Онч. №№ 125 и 126.

³ Онч. №№ 136 и 137.

⁴ Онч. № 138.

⁵ Онч. №№ 131, 132 и 128.

⁶ Онч. №№ 127, 135, 133, 129, 130 и 134. Ончуков ошибочно приписал №№ 133, 134 и 135 старушке из Великой губы, а №№ 129 и 130—старушке из Яндомозера.

БЫЛИНЫ И ПРИЧИТАНИЯ В ЗАПИСИ А. А. ШАХМАТОВА

Летом 1884 г. А. А. Шахматовым был произведен ряд фольклорных записей в северо-западной части Прионежья¹, в бывшей Кондопожской волости и на Шунгском полуострове. Среди неопубликованных материалов особенный интерес и значение представляют тексты Стенаниды Юплиновны Тараевой из деревни Верхне-Задней, близ Кондопоги, а также записи былин от разных сказителей Прионежья.

С. Ю. Тараева до сих пор была известна в научной литературе как сказочница, во-первых, по сборнику Н. Е. Ончукова „Северные сказки“, в который были включены и сказочные записи А. А. Шахматова 1884 г.², во-вторых, — по антологии М. К. Азадовского „Русская сказка“, где в приложениях к текстам сказочника А. Д. Ламтева перепечатана из сборника Ончукова сказка Тараевой „Иван-попович и прекрасная девица“.³ Упоминается Тараева и в исследовании С. В. Савченко „Русская народная сказка“. Рассматривая сборник Ончукова, С. В. Савченко среди выделяемых им лучших сказочников называет и Тараеву: „Из упоминающихся у г. Шахматова имен нужно назвать хорошую сказочницу старушку Тараеву“.⁴ М. К. Азадовский, приводя текст названной выше сказки Тараевой как обра-

зец классического стиля (параллельно реалистической манере А. Д. Ламтева), подчеркивает исключительное мастерство рассказа Тараевой и силу ее художественных образов.¹

Кроме этой, действительно, замечательной фантастической сказки, в сборнике Ончукова помещены и три другие сказки, записанные А. А. Шахматовым от той же сказочницы: „Демьян и Кузьма“, „Христов крестник“ и „Жена из могилы“. Являясь образцами другого типа сказки — легендарной, они также свидетельствуют о большом мастерстве Тараевой. В настоящее время, с публикацией других фольклорных записей А. А. Шахматова, Тараева входит в литературу и как исполнительница былин и причетов, свадебных и похоронных. К сожалению, преследуя исключительно лингвистические цели, А. А. Шахматов не ставил перед собой задачи исчерпать фольклорный материал исполнителя. Поэтому мы и сейчас не знаем всего репертуара С. Ю. Тараевой; нам известны лишь отдельные образцы, записанные от нее в области различных фольклорных жанров. Все же образ Тараевой, как несомненно очень одаренной сказительницы, вырисовывается, на основании этих материалов, с достаточной отчетливостью.

Биографические сведения о С. Ю. Тараевой чрезвычайно скудны и исчерпываются данными, которые мы находим в письме С. Ю. к одному из ее сыновей.² Это письмо — яркий, красноречивый в своей непосредственности документ, рисующий полную горь и страданий судьбу старой крестьянки-беднячки до революции. Но горе и нужда не угасили таланта, тяжелыми условиями жизни не были задавлены творческие силы. С. Ю. Тараева представляет собой, несомненно, выдающееся явление не только как сказочница, но и как исполнительница былин и причетаний, свадебных и похоронных. Свадебные причитания С. Ю. Тараевой глубоко поэтичны. Это свободная композиция художественных образов, мотивов, поэтических формул, выработанных народной устно-поэтической традицией и закрепленных за поэзией причета. Традиционным образом в этих причитаниях сообщены индивидуальные эмоциональные оттенки.

Первое причитание³ является, в сущности говоря, контаминацией целого ряда отдельных причетаний, относящихся к различным моментам свадебного обряда. Не имея, как мы уже отмечали, специальных фольклористических интересов,

¹ Употребляем термин „Прионежье“ в применении ко всему пространству, занимаемому районами, которые примыкают к Онежскому озеру, в отличие от „Заонежья“ — полуострова в северной части озера.

² Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908. № 78, 118, 119, 120.

³ Марк Азадовский. Русская сказка, т. I, М.-Л. 1932, стр. 357—368.

⁴ С. В. Савченко. Русская народная сказка, Киев, 1914, стр. 165.

¹ Марк Азадовский. Русская сказка, т. I, стр. 354.

² С. А. Кондаи-Шахматова. Олонецкие фольклорные записи А. А. Шахматова, настоящий сборник, стр. 13—14.

³ Причитания С. Ю. Тараевой печатаются в том порядке, в каком они следуют в рукописи А. А. Шахматова.

Шахматов не добивался от исполнителя четкого определения места того или иного причитания в обряде. Из шести причитаний С. Ю. Тараевой только одно сопровождается точным указанием его ритуальной функции, обрядовое же приурочение других вскрывается лишь из рассмотрения самих мотивов. Что касается первого текста, то здесь мы имеем особый случай сообщения исполнительницей причитаний: одно причитание непосредственно следовало за другим, вызываемое часто не внешним порядком обряда, а внутренней связью мотивов и образов. Отдельные части его состава легко выделяются на основе сопоставления с другими причитаниями.

Первая часть, стихи 1—40, — характерный причет невесты после рукобитья. В нем прежде всего останавливает внимание глубоко эмоциональное начало, сразу вводящее слушателя, при помощи художественного параллелизма на основе символического образа белой лебеди-невесты, в потрясенный душевный мир девушки:

Не восклицит (ли) лебедь белая,
Что ль без пулечки свинцовой,
Без по(д)стрела добра молодца,
Не заплачет красна девушка
Без обидушки великоз.

Параллель: рукобитие — трезвон — удар в большой колокол, а также образ злодея чужа-чужанина пьяницы глубоко традиционны, в особенности в прионежских причетах.¹ Последний образ, мужа-пьяницы, встречается в причетах и других районов (см., например, ярославские причеты у Шейна²), но особенно разработан он в северных причитаниях. Замечательный образ мы находим в первом „сговорном“ причитании Ирины Федосовой в указанном собрании Е. В. Барсова.³ У Тараевой, как и у Федосовой, образ этот развернут в яркую реалистическую бытовую картину. Он становится

одним из основных мотивов тех ее причитаний, в которых Тараева касается будущей жизни в замужестве.¹

Вторая часть (стихи 41—65) развивает мотив, присущий специальному причитанию, сопровождавшему „отпускание воли“, т. е. обряда прощания с „волей“ или „красотой“ — праздничным головным убором девушки до замужества.² Однако встречаем включение данного мотива и в сговорные причитания, как, например, в первый сговорный плач Ирины Федосовой.³

Следующие за этой частью стихи 66—75 находят параллель, с одной стороны, в причитаниях, обращенных к родителям и брату перед отправкой в „гостилице“ (в гости к родным для приглашения на свадьбу или для собирания даров у родни)⁴, с другой стороны — в просьбе к братьям впрячь „саночки самокатные“ и увезти девушку от „остуды чужей стороны“⁵. В причитании Тараевой мы видим позднейшее переосмысление обряда катания невесты на улице, при котором стираются в этом обряде следы древней общественно-исторической стадии, и он сводится к простому акту прощания с девичьей свободой, символом которой в данном случае служит образ „широкой славной улочки“.

Стихи 76—92 — бужение заспавшихся родителей — характерны для причитаний невесты утром в день свадьбы.⁶ В данном причитании они непосредственно сливаются с первым „баенным“ плачем-просьбой невесты стопить „теплу жарку баенку“ (стихи 93—128), за которой следует плач по возвращении из бани (стихи 129—186). Близкие параллели к основным мотивам этих причитаний — оберегания воли, наезда злодея-чужанина и пропивания девушки родными — находим у Барсова, Истомина и Дютша, Агренево-Славянской⁷ и др., а также во втором публикуемом вопле

¹ См. двукратное повторение этого образа в причитании 5-м.

² См., например, Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, т. III, М., 1910, стр. 58—59 и 107—111; П. В. Шейн. Великорус в своих обрядах и песнях, т. 1, в. 2, СПб., 1900, №№ 1534, 1634, 1667 и др.; Рукописное хранилище сектора фольклора Института литературы колл. II, п. 5, № 2 (запись 1926 г. в д. Кондобережье); Архив АН, ф. 134, оп. 1, № 80, л. 42, стр. 3—4 (запись 1884 г. из Андомозера).

³ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, т. III, стр. 20—24.

⁴ Песни собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, т. III, М., 1910, стр. 14—15, 17, 85; О. Х. Агренево-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, ч. 1, стр. 12.

⁵ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, т. III, стр. 18.

⁶ Песни собранные П. Н. Рыбниковым, т. III, стр. 72 и 96.

⁷ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, т. III, стр. 6—7, 27—28, 105—109; Истомин и Дютш. Песни русского народа, СПб., 1894 стр. 86—87; О. Х. Агренево-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, ч. 1, стр. 40—42.

¹ См. параллели в „Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым“, изд. 2-е, т. III, М., 1910, стр. 9; в „Причитаниях Северного края“ Е. В. Барсова, т. III, „Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете“, кн. 3-я, М., 1885, стр. 3, стихи 73—74 и стр. 15, стихи 537—539 и 540—552; в „Песнях русского народа“ Истомина и Дютша, СПб., 1894, стр. 80; в „Описании русской крестьянской свадьбы“ О. Х. Агренево-Славянской, ч. 1, М., 1887, стр. 11, а также в неопубликованных материалах Рукописного хранилища сектора фольклора народов СССР Института литературы (колл. II, п. 5, № 11) и Архива АН (фонд 134, оп. 1, № 80, л. 16, стр. 1).

² П. В. Шейн. Великорус в своих обрядах и песнях, т. 1, в. 2-й, изд. Академии наук, СПб., 1900, №№ 2180, 2182.

³ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, т. III, М., 1885, стр. 15.

Тараевой от лица девушки-истопницы, вариант которого записан был А. А. Шахматовым еще в дер. Лижме от Медведовой.¹ Сопоставление рассматриваемой части первого причитания с вариантом из Лижмы уясняет и кажущиеся несколько непонятными стихи 105—108. Приводим соответствующее место из лижемского варианта:

Ты лети, стадо гусиное²,
Другое лебединое³,
К теплопарной баенки.
Ты постой-ка, стадо гусиное,
Другое лебединое.
Меня матушка кличет с окошечка,
Батюшко со другою:
„Ты постой, дитё роженое,
Позабыла тонко-белую сороченьку“
— „Ты родитель мой матушка,
Смести мосты калиновы,
Стели сукна кармазитски
От терема до берега,
Да теплопарной да баенки,
Лети стадо гусиное и друго лебединое.“

Последующая часть причитания (стихи 187—227) снова возвращает нас к мотиву расставания с волей. Мотив этот обычен в свадебных послебаенных воплях,⁴ но здесь он сплетается с новым мотивом — ограды занавесью, постоянным в свадебных плачах при обряде расплетания косы и „отдавания воли“ накануне или в день свадьбы.⁵ Таким образом, здесь скорее можно предполагать включение особого причета в общую композицию, чем продолжение и развитие послебаенного вопля. Данная часть причитания особенно интересна сохранением следов древнемагических действий, которые имели назначение оградить девушку-невесту от всякого „уроченья“ (вышитые на занавеске зоря, месяц, звезды, солнце и т. п.).

Наконец, последняя составная часть рассматриваемого причитания связана с специфическим моментом свадебного обряда — с отдаванием „добра“, т. е. прощального приветствия всем родственникам в предсвадебный день. Обычно — это ряд

причетов, обращенных к отдельным родственникам.¹ Но в некоторых местах обряд начинался с общего „отдавания добра“ на улице.² Такой тип причета мы и имеем в данном случае.

Второй причет С. Ю. Тараевой, в противоположность первому, распадающемуся на отдельные части, связанные с различными моментами обряда, представляет стройную композицию одного из интереснейших северных причетов, исполняемых от лица девушки-истопницы, или, как ее называли в Прионежье, „истопницы“. Варианты этого причета записаны Шахматовым еще в с. Лижме, в Толвуе и в Андом-озере.³ Причет интересен главным образом тем, что сохранил явные следы древнемагического значения бани в свадебном ритуале: ряд действий был предназначен для ограждения девушки-невесты от „порчи“ (особым образом вытопленная печь, специальными способами добытая вода и т. п.). Параллели находим и в других собраниях: у Рыбникова, Агреневой-Славянской и Барсова.⁴ Образ злодея-чужанина, который пытается подкупить истопницу, традиционен для „баенных“ причетаний.

Третий причет связан с моментом призыва девушки к столу или перед „порученьем“ или перед отправлением к венцу. Четвертый и пятый, заключающие полные лиризма укоры, обращенные к матери, — очевидно сговорные. Выделяется своей художественной силой образ скованного железом, залитого чугуном и замкнутого на замки сердца лирического, образ, созданный на основе определенной традиции свадебного причета — изображать неожиданную для девушки жестокость родителей. Ср. следующую параллель в толвуйской записи сговорного причета:

Как сёгодня в сёю денецка
У желанных у родителей
Из свинью были ножки вылиты
Из железа ручки скованы,
Крепко каменно сердечко в них положено.⁵

¹ Архив АН. ф. 134, оп. 1, № 80, л. 20, стр. 3—4.

² Братья-„сторожатели“, сопровождающие невесту в баню.

³ Подруги невесты.

⁴ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, стр. 120—123; Истомин и Дютш. Песни русского народа, стр. 80; О. Х. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, стр. 44—45.

Песни собранные П. Н. Рыбниковым, т. III, стр. 75; мотив ограды занавеской мы находим у Ирины Федосовой (первый сговорный причет, стихи 604—645), но действие ограды изображено иначе.

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, т. III, стр. 61—62; П. В. Шейн. Великорусские в своих обрядах и песнях, стр. 378.

² Рыбников, III, стр. 99—101 (из вытегорских свадебных причетаний).

³ Архив АН., ф. 134, оп. 1, № 80, л. 20, стр. 34; Там же, л. 31, стр. 1—2 — от Авдотьи Корнелеевны; Там же, л. 42, стр. 2—3.

⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III, стр. 90—92; О. Т. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, стр. 39; Е. В. Барсов. Причитания Северного края, т. III, стр. 97—103.

⁵ Архив АН., ф. 134, оп. 1, № 80, л. 31, стр. 1, столб. 2.

Центральный образ пятого причета — образ мужа-пьяницы, — нами уже был отмечен.

Наконец, последний причет, обращенный к подруге, так же, как и пятый, изображает будущую горестную жизнь с мужем-бедняком.

Похоронных причетов от С. Ю. Тараевой записано всего два. В плаче вдовы по мужу выделяется яркий социальный мотив будущей обиды от „злодейных грозных начальников“, которые „приберут“ у нее „рожных детушек, удалых добрых молодцев“ „во службу да во государеву“. В неоконченном плаче по брату находим традиционный мотив задабривания смерти, бога, богородицы (в данном варианте — последнее), для предотвращения горя.¹ Оба плача включают характерный для крестьянского похоронного причета мотив горькой участи семьи без главы-кормильца и защитника. По наличию некоторых ярких социальных мотивов, по выразительности образов и сохранению ряда древнейших пережитков плачи С. Ю. Тараевой примыкают к лучшим, наиболее ценным с исторической и художественной стороны образцам этого вида фольклора.

Из былинных записей А. А. Шахматова с именем С. Ю. Тараевой определенно связана (по пометке собирателя) былина о Чуриле и Катерине. Но по совокупности ряда признаков и вторая из публикуемых былин — о Ставре Годиновиче — без имени исполнителя отнесена нами тоже к Тараевой. В рукописи Шахматова она следует непосредственно за текстами Тараевой и предшествует записи одной свадебной песни из той же Кондопоги с пометкой: „от Ивана Михайлова Дериглазова“.² Обычно Шахматов, пометив возле первого текста имя исполнителя, при последующих текстах кратко пометал: „от него же“ или „от той же“. Опускание такой пометки могло произойти легко. Анализ же стиля этой второй былины обнаруживает наличие в ней ряда выражений, оборотов, образов, которые мы встречаем в былинах о Чуриле и Катерине, а также в других записях от Тараевой: в сказке „Иван-попович и прекрасная девица“ и в духовных стихах. Так, прежде всего, бросается в глаза общее начало в чисто сказочном стиле обеих былин, в других записях не встречающееся: „Жиу быу Бернят Годинович“, „Жил был Ставрст Годинович“.³ Отчество Бернята „Годинович“ могло быть вызвано как раз параллельным существо-

ванием в репертуаре былины о Ставре так же, как и употребление имени Ставра в былинах о Чуриле (стих 61-й). Совпадают начальные изображения героев: „И ен охвочь быу по гореньки погуливать“ — „Ен охотник был по городу погуливать“. Одинаково отчество „Микуловна“, вместо наиболее частого в Прионежье „Микулична“. Систематически употребляется необычный эпитет „белый“ двор в обеих былинах и в сказке. Формы слов „обручесьво“, „jistвушко“ мы находим и в сказке в одинаковом сочетании с другими словами, также и сочетание „тридевять мотодцов с молодцом“. Форма слова „кошывчатой“ встречается в записях Шахматова, кроме былин о Ставре, только в причетах Тараевой. Выражение, тоже необычное, — „крикнул своим жауком голосом“, повторяется и в обеих былинах и в стихе о Егории, записанном от той же Тараевой. Выражение „съезжались к нему на цесен пир вси цари и царици, вси короли и королевичи“ — объединяет былинку о Ставре и упомянутый стих о Егории. Из этого же стиха оказалось перенесенным в былинку и „царство Рахлыньское“. Конечно, переключка некоторых из указанных оборотов еще не доказывала бы общего источника указанных произведений, так как здесь мы могли иметь дело с местной традицией или с влиянием одной исполнительской манеры на другую, но совокупность перечисленных общих моментов дает достаточное основание причислить и былинку о Ставре к репертуару Тараевой.

В чем же интерес отмеченных былин? В обеих былинах мы видим утрату древней традиции и свободное использование и переработку сохранившихся в памяти былинных эпизодов. В первой былинах любопытна новая композиция: Бернят уже до ухода в церковь обнаруживает коня, шелковую плетку, рукавички и шляпу и допрашивает о них жену, а не по возвращении из церкви, как обычно. Такая композиционная перестройка вызывает новую мотивировку подглядывания и доноса служанки, исполняющей в данном случае поручение ревнивого, но колеблющегося в своих подозрениях мужа.

Совершенно исключительный интерес в социальном плане представляет и последний эпизод, нигде в других былинах не встречающийся, — обращение к „попу, отцу духовному“, который за „злато-серебро“ дает Берняте отпущение в грехе убийства.

Во второй былинах находим то же резкое нарушение традиций: испытание баней превращено в мытье Ставра, испытание борьбой — в сражение. В начале былины перенесены мотивы былины о Василии Буслаевиче. В географическом приурочении видна некоторая спутанность: действие переносится одновременно в царство Литовское и на пир к князю

¹ Ср. Е. В. Барсов, т. 1, М., 1872, стр. 3.

² Архив АН. ф. 134, оп. 1. № 80, л. 7, стр. 3.

³ Фонетическое разногласие объясняется тем, что Шахматов не систематически выдерживал одну и ту же транскрипцию для колеблющихся звуков.

стольно-киевскому. Вообще обе былины несут на себе определенные следы более свободной, чем у исполнителя былины, манеры передачи сюжета. Традиционные для сказки начала былины нами уже были отмечены, особенно интересно в этом отношении начало былины о Чуриле: „Не в каком царьстве, не в каком государстве жиу быу Бернат Годинович“.

Записи Шахматова от Тараевой имеют еще значение и потому, что ни Рыбниковым, ни Гильфердингом фольклор Кондопожской волости исследован не был. С этой стороны материалы Шахматова, среди которых, кроме тараевских, еще четыре былины кондопожских сказителей, представляют большой научный интерес. Они дополняют наши знания о районах распространения былины и о местных обработках былинных сюжетов; мы знакомимся в разных записях с новой районной группой.

Отметим наиболее характерные черты былины этой группы. Былина о Добрыне и Алеше предствляет очень сокращенный и в значительной степени разнузданный вариант былины на данный сюжет: так в начале былины мы видим явный пропуск о „накидывании“ князем Владимиром службы на богатырей. Выпущен очень важный для характеристики действующих лиц—Алеси Поповича и князя Владимира—эпизод обманной вести о смерти Добрыни. Выключены обычные в олонечских вариантах в конце укоры князю—участнику интриги Алеси. Несмотря на это, ясно, что вариант примыкает именно к характерным прионежским обработкам—с выделением неблагоприятной роли князя и снижением его образа, так как подчеркнуто насилие, которое совершает Владимир над Настасьей Микуличной: „Ены силою берут, а не охвотою, за того Алешу за Поповица“.

Вариант былины о Соломане-царе и Василии Окульевиче интересен уже тем, что вообще эта былина—редкая в старых записях из Прионежья, отчего так важен каждый новый вариант ее. Из всех типов олонечских вариантов (кенозерский, кижский, пудожский) по общей композиции он ближе всего стоит к пудожскому,¹ по включению же некоторых отдельных эпизодов соприкасается с кенозерским.² Но он значительно более краток (варианты у Рыбникова, изд. 2-е, № 137—577 стихов, № 183—319 стихов, данный вариант всего 206 стихов). Отсутствует, как и в кенозерском, эпизод, присущий кижскому варианту: пощечина, которую дает Василий Окульевич Ивашке. Изображена та же система заманивания Соломании на корабль: ее приходу предшествует

двукратная посылка оценщиков, которых напаивают на корабле (в пудожском, как во всех других прионежских вариантах, фигурирует „сонное“ питье, „напиточки забудущие“). Загадка, заданная Соломанией пришедшему Василию Окульевичу: „На царе сижу, с царем говорю“ встречается еще только в пудожском варианте (Рыбников, № 137, стих 377-й). Также в данном тексте сохранено иносказание про колеса. В развязке участвует не крылатая сила, а прибывшее войско Соломана. Вообще вариант менее расцвечен сказочными подробностями, и психологические ситуации не развернуты. Действие, не задерживаясь на подробностях, развивается быстро. В качестве индивидуальной особенности данного варианта и, очевидно, очень старой детали, надо отметить чрезвычайно интересное упоминание о скоморохах на корабле для завлечения царицы: „Ну еще постав людей шутивых, шутивых людей учливых, язычников и музычников, и скленщиков и барабанщиков“ (стихи 64—67).

Былина о Дюке Степановиче примыкает к группе заонежских вариантов, разрабатывающих начало былины при помощи мотива трех застав. Характерно также для заонежской эпической традиции в области ее социальных тенденций, что хвастовство Дюка вызывается расспросами самого князя Владимира. В былине наблюдается перестановка в композиции: сперва следует опись „животов Дюкозых“, потом уже состязание с Чурилой. Таким образом, в данном варианте в центр ставится состязание Киева и Волынь-города, как и вообще в заонежских вариантах, а не Дюка и Чурилы (что характерно для печорской группы). Соперничество с Чурилой отделено от центральной темы—состязания городов. Включенный эпизод показав князю Владимиру заставы, имеющий назначение еще более унижить его,—реминисценция былины о Соловье-разбойнике.

Наконец, в Кондопоге записан еще в качестве „великопостной“ песни отрывок былины-баллады о „Братьях-разбойниках и сестре“. В общем, хотя все шесть кондопожских вариантов записаны в трех различных пунктах—на значительном расстоянии друг от друга—и от пяти разных сказителей, мы все же усматриваем некоторые общие черты всей кондопожской группы: укороченность текстов, отсутствие детализации, динамичность в развитии действия. Особо выделяются былины Тараевой, следы влияния на которых сказочной манеры мы уже отметили.

Толвуйские записи былины замечательны тем, что произведены Шахматовым от гильфердинговского исполнителя Андрея Тимофеева¹ (прозвище „Кумоха“). Гильфердинг огра-

¹ Песни собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, т. II, № 137.

² Там же, № 183.

¹ Гильфердинг. Онежские былины, стр. 178

ничился записью от него двух былин: „Добрыня и Алеша“ и „Михайло Потык“ и следующей краткой заметкой о самом сказителе: „Крестьянин 60 лет из дер. Загорья у Толвуи. Выучился петь былины у местных старожил; земледелец“.

Шахматов записал, кроме былин о Потыке, еще былины о Дунае и о Чуриле, Гильфердингом не записанные. В 1886 г. Истоминым от того же исполнителя снова была записана былина о Чуриле.¹ Таким образом, вместе с записями Шахматова, мы имеем сейчас от Андрея Тимофеева четыре былины, из них две записаны по два раза.

Вариант „Михайлы Потыка“, повторно записанный шахматовым через 13 лет, сокращает текст с 432 стихов до 309. Это значительное сокращение идет за счет некоторых повторений, сокращения или выпуска диалога, замены прямой речи косвенной и т. п.² Композиция и вся совокупность эпизодов остаются неизменными. Изменения состоят в перестановке отдельных стихов, иногда в иной словесной фразировке. Значительно реже некоторое распространение, вставка деталей. Из более существенных изменений следует отметить включение роли служанки — „маленькой служаночки“, перенесенной, быть может, из былины „Добрыня и Алеша“, в которой, в записи Гильфердинга, фигурирует „малая служаночка“.³ Такие перенесения из одной былины в другую у Андрея Тимофеевича замечаются и раньше. Так, формула быстрого времени была перенесена из былины „Добрыня и Алеша“ в былинку „Михайло Потык“ („Онежские былины“, стр. 184) так же, как в вариант Шахматова из той же былины перенесена картина уздавания коня (стихи 132—137). В позднейшем варианте заметно и частичное внесение в былинное изложение прозаических оборотов речи.

Еще меньше различия между текстом, записанным Шахматовым о Чуриле, и повторной записью этой былины Истоминим через два года. Общая величина былины осталась неизменной (95 стихов у Шахматова и 93 стиха у Истомина). Характер изменений тот же, что и в отношении былины „Михайло Потык“. Это свидетельствует о том, что Андрей Тимо-

феев принадлежал к исполнителям, которые крепко держали в памяти раз оформленный текст, внося лишь незначительные вариации, преимущественно касающиеся словесных формулировок. Вариант былины о Чуриле Кумохи ближе всего стоит к толвуйскому же варианту от Гришина („Онежские былины“, № 35). Весь ход рассказа тот же, включены эпизоды, которые не встречаются в других олонечских вариантах, например: служанка отказывается от дома Чуриле, говоря, что хозяина нет, за это Катерина ее бранит и бьет по щеке; Перемята три раза не верит служанке и даже грозит срубить ей голову, будучи введен каждый раз женой в заблуждение. Текст Кумохи дает сюжет в сильно сокращенном виде (вариант Гришина имеет 170 стихов, таким образом, почти вдвое длиннее). Опущены все описательные моменты, которыми часто так богаты былины о Чуриле: описание, например, одежды Чурилы, характерное для олонечских вариантов, описание его встречи с Катериной, подробное указание, какие вещи куда кладутся при раздевании и т. п. Это стремление к сокращению иногда приводит к некоторым неясностям. Так, в № 35 у Гильфердинга жена объясняет Перемету, почему она не пошла в церковь, и ссылается на болезнь, тогда Перемет и грозит убить служанку. В варианте Андрея Тимофеева Катерина выбегает „в одной тоненькой в белой рубашеньки“, и Перемет в противоположность целому ряду других вариантов сразу убеждается в неверности жены. В отличие от варианта Гришина, где муж рубит голову только Чуриле, в данном более традиционный конец: смерть обоих и женитьба Перемета на служанке.

Та же некоторая суховатость, сравнительная бедность раскрашивающими деталями, значительно большая динамичность отличают былинку „Дунай“ от других прионежских вариантов ее и, главным образом, от другой толвуйской записи, сделанной Гильфердингом от Гришина („Онежские былины“, № 34). Вариант Кумохи представляет особый тип, характерной особенностью которого является то, что Дунай едет в „землю Ляхетскую“ один без помощников. Король, узнав о причине приезда, оскорбляет Дуная. Мотив, что Дунай плохой посол, недостойн данного поручения, встречается еще только в варианте Трофима Григорьевича Рябинина („Онежские былины“, № 81), но в более развернутом виде. Мотив этот вызван ассоциацией с былинкой „Дунай и Королевична“, по которой Дунай—бывший слуга-холоп ляхетского короля. Вариант все же включает некоторые элементы, отличающие преимущественно прионежскую группу: о невесте для Владимира говорит сам Дунай, роль Апраксии пассивна и др. В отличие же от других вариантов

¹ Истомин и Дютш. Песни русского народа, стр. 38—40.

² Возможно, что А. А. Шахматов записывал былинку не с пения, а со слов, так как отмеченные изменения характерны для словесной передачи. Вообще же о способе записи А. А. Шахматовым былин и причитаний у нас сведений нет.

³ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, стр. 178. В свою очередь, необычная для данной былины роль служанки, доносящей Добрыне о домашней „невоздушке“, могла возникнуть под влиянием былины о Чуриле.

этой группы, в данном—сгубленный во чреве матери младенец оказывается просто „прекрасным“ без признаков своей чудесности. Отсутствует и заключительный мотив протекания рек от крови Дуная и Настасьи.

Таким образом, благодаря записям Шахматова яснее вырисовывается в лице Андрея Тимофеевича определенный тип сказителя, с тенденцией к более быстрому развитию действия, к упрощению основной сюжетной линии, избегающего описательных и вообще украшающих элементов, но дающего достаточно стройную композицию и сохраняющего на протяжении значительного временного промежутка свои тексты без коренных изменений.

Наконец, две былины записаны были Шахматовым еще в деревне Палтега в средней части Шунгского полуострова. До 1926 г. из данного района вообще почти не была записей, тем более интересны старые записи еще 1880-х гг. К сожалению, их всего две. Одна представляет отрывок—начало былины о Соловье-Будимировиче, повторяющее моменты, характерные для прионежской группы. Однако в этом отрывке видны ясные признаки забывания исходной редакции: три терема на корабле Соловья, свивающиеся верхами, перенесены из приказа Соловья построить три терема (см. „Онежские былины“, №№ 36 и 53); „волжанные“ сходенки превращаются в „лужонки“. „Непра-река“ в „Ребру-реку“, иерархический порядок прохода по сходенкам на берег (дружина, мать Соловья, сам Соловей) нарушается и т. д. По некоторым деталям этот отрывок ближе всего к толвуйскому варианту от Гришина (№ 36).

Былина „Дунай“, записанная от какой-то женщины средних лет, представляет совершенно особую и уникальную редакцию данного сюжета. Прежде всего она интересна особенно четкой и развернутой связью сюжета о женитьбе с сюжетом о Дунае и Коррлевне в подробном рассказе Дуная о своем пребывании у литовского короля и о причинах ухода своего из дому (обычно в заонежских вариантах эта связь лишь намечается вопросом короля, не пришел ли Дунай снова к нему на службу). В противоположность сильно развернутой первой части—на пиру у князя Владимира, чрезвычайно сжата и скомкана вторая часть. Эпизод погони старшей дочери преломляется в краткое сообщение о нападении татар, причем князь Владимир, сам едущий сватом вместе с Дунаем, является в совершенно необычной роли героя, избегающего татар „осищами тележными“ (перенесение на князя Владимира роли Добрыни, расправляющегося с татарами на дворе литовского короля).

Интересно, что в 1926 г. нами записан совершенно такой же вариант в селе Комлево (сравнительно недалеко от Палтеги) от старухи 73 лет, в точности передающий не только ту же композицию, но и почти все словесное оформление вплоть до имени (Акулина вместо Апраксии).

Мы предполагаем, что наша комлевская сказительница Пелагея Никитишна Филиппова и „женщина средних лет“ у Шахматова—одно и то же лицо. Об этом говорят специфические особенности редакции, полностью совпадающие в своих вариантах, место записи, совпадение данных о возрасте исполнительниц. Если же это не так, тогда между двумя сказительницами должна была существовать тесная преемственная связь.

Былинные записи А. А. Шахматова дают, таким образом интересный значительный материал для изучения судеб эпической поэзии в XIX—XX веках.

А. Астахова

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

1

- Господи да боже (да) бласлови
Белой лебеди вовсклыкати,
Красной девушки заплакати.
Не восклицит (ли) лебедь белаа
5 Что ль без пулецьки свинцевоэ,
Без по(д)стрела¹ добра молодця.
Не заплачет красна девушка
Без обидушки великоэ.
Что ль не в колокол ударили
10 Не в боушой да протрезвонили,
Что ль ударили родители
Во в крепкоо рукобутьице
Через стол-доску дубовую,
Через шыту брану скателеть,
15 Через јиствушко сахарнеэ,
Через питьеце медвяноэ,
Через лозочки точёныи,
Через ставицьки дубовыи.
Не спешитесь-ко (скоро), родители,
20 Бить крепкоо рукобутьица,
Вы спешитесь-ко, родители,
Отправлять братця родимого
На судиму чюжу сторону
Поспросить да позаведать
25 У суседей людеи добрых,

¹ Написанное первоначально *д* было затем Шахматовым зачеркнуто.

Академик А. А. Шахматов

У суседок спрѣближонных,
 Поспросить да позаведать
 Про злодей чужа чужанина:
 Что не мот ли злодей-чужанин,
 30 Не мот ли ён, не пьяница,
 Не кабацкая (ли) запѣина.
 Мне не надо ль будет девушки
 Дѣржать щѣцьки на окошецьки,
 Ясных очей да во чистом поли,
 35 Сожидать злодей-цуюжанина
 Со царёвого со кабака,
 Мне не надо ль еще девушки
 Дѣржать ножки на пороженьки,
 Мне не надо ль красной девушки
 40 Дѣржать руцьки на заложецьки.
 Мни пойти да красной девушки
 На широку славну улицку,
 Отпустить да приотправить
 Свою вольною волюшку
 45 Через три поля шырѣкиих,
 Через три лужка зелёных.
 И полетела моя волюшка
 Ко петью божью церьковному,
 И садилась моя волюшка
 50 На могилушку умѣршую,
 На травуньку шоужковую.
 Тут моя волюшка не усиделась,
 На божью церьков поднималась,
 На кресты она садилась,
 55 Жона господу смолилась.
 Тут ейна волюшка не усиделась,
 Тут ейна волюшка стрепехталась,
 Улетела моя волюшка
 Да во тѣмны лесочки,
 60 Садилась моя волюшка
 На рябиновы кусточки.
 Моя волюшка не усиделась,
 Она тут да стрепехталась,
 И полетела моя волюшка
 65 Во корбища во тѣмны,
 И утонула моя волюшка
 Во болотищи топучим.
 Ты родитель моя матушка,
 70 Ты роститель сударь-батюшка,
 Милый братец красно соўнышко,
 Заложь лошадь удалую

Ты во санушки катучии,
 Прокатай-ко мнѣ девушку.
 По широкой славной улицѣ,
 75 (Красная девица не перьвый раз).
 И не перьвый раз и не последний,
 Красной девушки последний раз,
 Милый братец красно соўнышко.
 Как заспалис мои родители,
 80 Знать на радости, на весельици,
 Знать на добром доброумьици,
 От меня от красной девушки
 Избываючись, сѣби зятя наживаючись.
 Уж ты стань, моя родителѣк,
 85 Пробудис, моя желаннаа.
 Ты родитель моя матушка,
 У сусѣдов печѣка топится.
 По трубам дымы вставают,
 По сараям петухи поют,
 90 По садам да соловьи поют.
 Не прошу у вас, родителей.
 Не житья-бытья живленьица,
 Не хоромного строеньица,
 Я прошу у вас, родителей,
 95 Вековецьна благословленьица.
 Я прошу тебя, родителя,
 Топить теплу парну баенку
 Мни умыться да упариться
 (Красной девушки).
 100 Купите мыльце с умываньицем,
 Да еще прошу вас, родителей,
 Верных крепких сторожателей —
 Милых братицѣв родимых.
 По правую рученьку
 105 Милы братица родимыи,
 Что ль по левую рученьку
 Мои белыя лебѣдушки
 Сестрицы родимыи.
 Крычит матушка с окошецька,
 110 Что стадушко гусиное,
 Крычит батюшка с окошецька,
 Позади что стадо лебединое.
 И скрычал батюшко с окошецька:
 „Погоди, дощѣ любимая,
 115 Я сострою мосты калиновы“.
 Крычит матушка с окошецька:
 „Погоди, дочь милаа,

Обобью я плисом-бархатом,
 Обстелю камкой шелковой
 120 И обкацю я златом-сѣребром,
 Обсожу я милким жемчюгом“.
 Говорила дочь премилаа:
 „Ты, кормилец сударь-батюшко,
 Ты не строй мосту калинова,
 125 Ты не держи да золотой казны,
 Ты, родитель моя матушка,
 Не стели камки шелковое,
 Ты не трать да плису-бархату,
 Ты не сыпи злата-серебра.
 130 Ты не порти мелка жемчюга,
 Уберут девушки на поднизи,
 Молодѣшки на кокошнички.
 Я пришла да красна девушка
 В теплу парную да баенку,
 135 Есть во теплой парной баенки
 Есть три гвоздика точоны,
 Я на перьвый клала гвоздичок
 Клала вольну свою волюшку,
 Я на другой клала гвоздичок
 140 Свой сарафанчик,
 Я на третий клала гвоздичек
 Тонкобелую сороцецьку.
 Как во теплой парной баенке
 Три окошецька кошычатых.
 145 Я на перьво клала окошецько
 Клала мыльце с умываньицем,
 Я на другое окошецько
 Красоту клала девоцю,
 Я на третье окошецько
 150 С косы алую лентоцьку,
 И у кожного окошецька
 Три ведѣрочка дубовыи,
 С розных колодецьков водушка ключѣвая,
 Перва брана водушка
 155 С широкого Онегушка,
 А друга брана водушка
 С быстрого реценьки.
 А в третье ведѣрушко
 Брана водушка с колодецька со рудницька.
 160 Я не мылась красна девушка,
 Я не мылась и не парилась,
 С волей вольней расставалась,
 Как на широкой славной улицѣ

Гремит копыто лошадиное,
 165 А наеждал да злодей-чужанин,
 Жон давал братцам родимым
 Много давал злата-серебра,
 Много давал да зелёна вина.
 Жон давал белым лебёдушкам
 170 Да сестрицам родимым
 Давал штофу ён на штофничек
 И парци на душугреецьку.
 Ёны на то не окидалися,
 Не брали ни штофу на штофничек,
 175 Ни парци на душегреецьку,
 Окидались на зелёно вино,
 Зелёна вина да напивалися,
 Да и пропили мни, девушку,
 Пропили вольную волюшку
 180 Да на винную чярочьку.
 (Да и) я пошла да красна девушка
 С теплопарной я баенки,
 И встречала миня девушку
 Родитель моа матушка.
 185 Я попеняю ти, родителёк,
 У те не верныи, не крепкии сторожатели,
 Милы братцы да родимыи,
 Да пропили мене, девушку,
 Да за винную за чярочьку
 190 Жоны великии изменщики.
 Мни пойти да красной девушке
 В тепловитое гнздушко,
 Я ступень ступлю — во сто рублей,
 Я другой ступлю — во тысячу.
 195 Сторонитесь, люди добрыи,
 Да суседы спорядовлыи,
 Дайте местецька малёшенько,
 Мни пройти да красной девушки
 В тёпловитое да гнездышко.
 200 Ты родитель моя матушка,
 Я была да красна девушка
 На широкой славной улицьки,
 С волей вольней расставалась,
 Отпустила, приотправила,
 205 Свою вольную волюшку
 Через три поля широких,
 Через три лужька зелёных.
 И мни пройти да красной девушки
 В разорен да задний в уголок,

Ко затулой белой завязки.
 Я вышивала красна девушка
 Затулу белу завязь
 По три праздницька годовых,
 По три воскресеньица христовых.
 215 Я на перьвый угол вышила
 Зорюшку вечернюю,
 Я на другой угол вышила —
 Цветёл мисяц уставила,
 Я на третий угол вышила
 220 Утренну зорюшку ранную,
 На четвёртый угол вышила —
 Весь белый свет уставила,
 На серёточку повышила
 Часто милкии звездушки.
 225 На округ на приустановила
 Тёпло красное солнышко.
 И я думала что девушка,
 Что разглядится злодей-чужанин
 На затулу белу завязь —
 230 Позабуде мене девушку.
 Подневольную головушку,
 В разорён да задний уголок.
 Ты дубров-та дубровицька,
 Ко столу-доски дубовой
 235 И ко јаствушки сахарной,
 Ты еще моё дубровицько
 Во цестной да во большой угол,
 Ты дубров-та дубровицька
 (В разорён да в задний уголок)
 240 Во двернии уголок,
 Ты дубров-та дубровицька
 Болшаку с большухой.
 Болшаку да в доми батюшку,
 А болшушки в доми матушки.
 245 И еще моя дубровицька
 Меньшаку в доми с меньшухой,
 Меньшаку да братцё родимому
 Да ветляныи невестушки.
 Ты дубров-та дубровицька
 250 Моим белым лебёдушкам,
 Сестрицёшкам родимым.
 Ты дубров-та дубровицька
 Ты во синицки решетцятый,
 Ты еще моя дубровицько
 255 Во цюланци немошонным,

Ты лети, мое дубровицко,
 По сарайчику лесистому,
 Ты еще, моё дубровицко.
 Во двор милой скогичушки,
 260 Ты еще, моё дубровицко,
 Во конюшенку лошадушки,
 Ты дубров-та дубровицко
 На широку славну улицу,
 По путям по дороженькам.
 265 Ты дубров-та дубровицко,
 На могилушку умёршую,
 На раскат-гору высокую,
 Ты садись, моё дубровицко,
 Ты на травушку муравую,
 270 Ты воскुकуй-ко, дубровицко,
 Серой малой кокошицей.
 Не ослышит ли родителёк
 Во сырой земли во матери,
 И не скажет ли родителёк,
 275 Не подаст ли мне жаланная
 Жалкового голоцьку,
 И я прошу да красна девушка
 У родителя у матушки
 Вековецного прощеньца.

2

В день венчанья или накануне девушка идет звать невесту
 в баню.¹

Деву[шка] подх[одит] к крыль[цу].

Подойти мни красной девушки
 Ко перёному крылешичку,
 Мни ступить да кр[асной] девушки
 На перёное крылешичко.
 5 Мни ступень ступить — во сто рублей,
 Мни другой ступить — во тысяцу,
 Мни третей ступить — цены нет.
 Мни ступить да кр[асной] девушки
 В новый синий решощаты,
 10 Мни пройти да кр[асной] де[вушки]
 По новым сеням решощатым,
 Мни пройти да кр[асной] девушки
 По дверям да по дубовым,
 Мни накинуть ручка белаа

¹ Примечание исполнительницы.

15 На тягу да на железную
 Есть железа петербургского,
 Кузнеца вытегорского,
 Сдалека тяга привожена,
 В дубовы двери положена.
 20 Отворись-ка, дверь дубоваа,
 На пятничках шелковых,
 На петелках булатных.
 Мни по витому да гнездышку
 Мни пройти да кр[асной] де[вушки]
 25 В разореный в задний уголок.
 Можно знать да м[ожно] ведати,
 Гди сидит моя любушка любимая
 Не по-старому и не по-прежнему,
 Поблэкнувши белое нежное личинько,
 30 И потуманивши ясныи очиньки.
 Я покорно прошу девушка,
 Моя любушка любимая,
 В теплопарную да баенку.
 Про тебя есть байна толена,
 35 И про тебя есть вода ношена.
 Я топила, красна девушка,
 Не дровцам березовыма,
 Я рожигала, кр[асна] де[вушка],
 Не лучиношкой сосновоой,
 40 Шла через три поля широких
 И через три луга зелёных,
 Нашла три пруточика калиновых
 И три цветочика лазуревых
 И тым топила твби теплопарную баенку.
 45 Есть в теплопарной баенки
 Три окошечка кошмивчатых,
 Три стеколенки хрустальных,
 У перьваго у окошечка
 Во в дубовом ведёрочки
 50 Брааа водушка с холодного
 Со ключевого колодецька
 По светлому по мисячку,
 У другого у окошечка
 Во в дубовом ведёрочки
 55 Брааа водушка со круглого озёрушка
 По частым по мелким звёздочкам.
 У третьёго окошечка
 По порогу дверь катиласи,
 Ко стены остановиласи,
 60 По дощечки росклеиласи,

Мне шагнуть да кр[асной] де[вушке]
 Чрез пороги гряновитыи,
 Мни ступить да кр[асной] де[вушке]
 В тёпловитое да гнездушко.
 65 Вы роstrоньтесъ, люди добрыи,
 Вы роstrоньтесъ, православныи,
 Дайте местечка немношечко,
 Вы мне тонкую мостиночку,
 Вы с едину кирпичиночку.
 70 Есть мостиночка тонёшенька,
 Я есть девушка легошенька,
 И она гнется и не лѣмится.
 Мни пройти да кр[асной] де[вушке]
 Мни одной да единёшенькой
 75 Не с полком государевым,
 Не солдатама с новобраныма.
 Я не зверь иду из темна леса,
 Не змия плову из чиста поля,
 Я идѹ видь кра[сна] девушка,
 80 Впереди да красно солнышко,
 Позади да светлый мисячек,
 По бокам часты звездочки.
 Мни пройти да кр[асной] дев[ушке]
 В разореный в двѣрныи ѹголок.
 85 В разореном двѣрном ѹголки
 Сидят старушки стародревнии,
 Старицкй сидят почтеныи.
 Я покѣрно прошу, девушка,
 В теплопарную баенку.
 90 Вы извинитя в том пожалуста:
 Не про вас естъ байна топлена,
 И не про вас е вода нѣшена,
 Я в дорожках заблудиласи,
 В ѹстах речь да замешалась.
 95 Мни пройти да кр[асной] дев[ушке]
 Ко серѣднѣму окошечку.
 У серѣднѣго окошечка
 Сидят вдовушки победныи головушки
 И солдатки горегорькии
 100 Со своима со роженыма со детушкам.
 Вы пожалуйте пожалуста
 В теплопарную да баенку.
 Извинитя в том пожалуста
 Не про вас [есть байна топлена,
 105 И не про вас е вода нѣшена]
 Я в дорожках заблудиласи,

В ѹстах речь да замешалась.
 Мни пройти да кр[асной] дев[ушке]
 Во честный да во большой угѣл.
 110 Во честном да во большѣм углѹ
 Сидят лѣбушки любимые,
 Холосты да неженаты.
 Вы пожалуйте пожалуста
 В теплопарную да баенку.
 115 Извините в том пожалуста
 Не про вас [есть байна топлена
 И не про вас е вода нѣшена]
 Я в дорожках заблудиласи,
 В ѹстах речь да замешалась,
 120 Мни розмахнуть да очи ясныи.
 Брѣна водушка со славного Онѣгушка
 По красному по солнышку,
 Ты умывайся, моя белаа лебѣдушка,
 Ты моя лѣбушка любимая,
 125 С которого хошь с дубового ведѣрушка.
 Ты придѣшь как моя белаа лебѣдушка
 В теплопарную да баенку,
 Ты на перьвое окошечко
 Клади белина со белинама,
 130 Ты на дрѹгое окошечко
 Клади румяница со румянцама,
 На третье на окѣшечко
 Ты положи свою вольную волюшку.
 Там есть во теплой во парной во баенки
 135 Есть три гвоздичка точоных,
 Три грябочки золочоных.
 Ты на первой клади на гвоздичок
 Тонкобелую сорочечку,
 Есть которая сорочечка
 140 По три ночки вышивана;
 Х перьву ноченьку христовскую
 Во в другую во иваньскую,
 В третью ноченьку в петровскую,
 Я как вышла кра[сна] дев[уш]ка
 145 С теплопарной да баенки,
 Затрещала мать сырѣ земля,
 Зазвонили подковы лошадиныи,
 Наезжае^{дѣ}т злодѣй-чюжанин
 Х тепло^{дѣ}ар^{дѣ}не да баенки
 150 Он покупау у меня девушки
 Тепло парную да баенку,

155 Давал штофу он на шгофничёк,
Он парчи да на парчѣвничек,
Мни графын да сладкой водочки
И много разных да разностей.
И я не прѣдала эгой теплой парной баенки,
Исть поставлены сторожатели,
Исть милыи братцы родимыи,
Ты поди-ко, моя любушка любимаа.

3

За столом да за дубовым
Сидят гостюшки незваныи
Сидят гѣски да нежданыи.
Я спрошѹ у вас да девушка:
„Вы зачим, гостѣ, приѣхали?
Вы что зди-ка заведаль?
Аль гульбищицкѣ прокладищѣ,
Аль весѣлое бесѣдищѣ?“
Сама знаю красна девушка:
10 У моих да у родителей
Цѣсен пир да во моѣм домѹ,
Один гость да есть немилый друг,
Он сидѣт будто свѣчѣ горѣт,
Говорит быдѣто рублѣм дарѣт,
15 И на каждой волосиницки
По скачоной по жемчуженьки.
„Не треси, друг, буйно голову,
Не кати-ка милко жемчуг—
Обѣрѹт девушки на поднизь,
20 Молодушки на кокоушницкѣи.“
Сидят гостюшки незваныи,
Сидя гостѣи¹ незнакомыи,
Сидя гостѣи долгожданыи.
Вы зачем, гостѣ, приехали,
25 Мои любушки любимыи,
Вы брѣдги да книженецкѣи?
Вы что зди-ка заведали?
Аль гульбищѣ аль прокладищѣ,
Аль весѣлое бесѣдищѣ?²
30 Вы послушайте, голубушки,
Кушайте овсяницкѣи да пряницкѣи,
Вы мякушечкѣи да колацкии.
Вы послушайте, родители,

¹ Гостѣи = гѣски — очень мягкое т! (Примеч. А. А. Шахматова).

² Бесѣдищѣ — д мягкое (Примеч. А. А. Шахматова).

35 Подневѣльно красну девушку,
Я попрошѹ-то ѹ вас, родители,
Не житья-бытья живлѣнница,
Не хоромного строенница,
Я прошу у вас, родители,
Вековецна благослѣнница.

4

Ты родитель моя матушка,
Моя добрая добротушка,
Кабы знала красна девушка,
Подневѣльная головушка,
5 Горько ранна сиротинушка,
Что неволить будешь девушку
На еѣ красное литушко,
Я бы знала это, ведала,
Пала в кругло во озѣрушко
10 И в ключѣу свежу водушку.
Я ещѣ, моя родителѣк,
Шла бы на мостики калиновы,
И я упала бы в быструю реченьку,
Быстру речку хоботистую,
15 Унѣсло бы мѣне девушку
В чисто славное Онегушко.

5

Ты родитель моя матушка,
Ты не неволь-ка мене девушку
Под великую неволюшку,
Дай-ко мне девушки
5 Дай волнюю полюшку,
С рѣстом-и ѣзростом сровняться,
С ѹмом-разумом принабраться,
С рѣдом-плѣменем узнатися.
До сей поры, до сѣго времечки,
10 До сѣй строчной¹ неделюшки
Было жалкое желанье,
Была добрая добротушка,
Была матушка да многоумная,
Да и вдова многоразумная,
15 Как ды сей поры, ды сей времечки,
А ты тонерь ды слиховаласи,

¹ Строчной

Ты не мать да ста́па—мачеха,
 У те с железа сердце ско́вано,
 А чугуном сердце за́лито —
 20 Заковали добры молодцы,
 Добры молодцы да вытегорьский,
 Кузнецы да белогорьский,
 Было железо петенбургское,
 Клалй замочки щерлупчатй,
 25 Призамнули у тебя, родителёк,
 Сердечушко рогливое.
 Ты не мать да мни—зла мацеха,
 Ты родитель моя матушка,
 Мдя добрая добротушка,
 30 Мде жалкое желаньице,
 Ты свила да мни-ка девушки
 Не по ла́стушки свила гнездышко,
 А не по девушки помы́рала мни мистечко,
 И не по мысли ясна со́кола
 35 И опьяньслива голу́шка:
 Часто ходит во царёв каба́к,
 Много пьёт да зелёна вина,
 И ён пьёт да упиваетця,
 Нады мной девушкой ломаетця,
 40 И не э́тым бы, родителёк,
 Добрым коням у крыльця стоять.
 И не э́тым бы гостюшкам за столём сидеть.
 Не за э́того была девушка ро́жена,
 И не на э́го была кр[асна] дев[ушка] да ро́щена,
 45 И не на то были мне красны плати́ця да строены.
 Что за э́того злодейного чюжани́на.
 Как у злодейного чюжани́на
 Нет ни жи́тья-бы́тья живленьи́ця,
 Нет хорошего хоромного устроеньи́ця:
 50 Углишка про́ць да отвалилися,
 Брёвна про́ць да раскатилися
 По единому бревёшечку.
 Нет хрестыньской довольной скотинушки,
 И нет езжалой лоша́душки,
 55 А мни надо кр[асной] девушки
 Жить во чюжом во гнездушки,
 А мни надо кр[асной] девушки
 Дер[жа]ть щё́чка на окошечки,
 Ясны очи во в чистом поли,
 Надо ноженьки держать на дороженьки.
 Идёт да злодей-чюжани́н
 Со царёвого со каба́ка,

Со кружала государева.
 И он по у́лицы идёт да шатаетця,
 65 По черны́й грязи́ катаетця,
 Ён идёт да усмехаетця,
 Мною девушкой убавляется.
 По ступёням идёт с прыска́ью,
 По сеням идёт с угроза́ми,
 70 Ён грозит да мёне девушку
 Чужей дальней сторонушкой,
 Я тут не убоя́лась,
 Ёго страха не спуга́лась,
 Я смеленько отвечала-т:
 75 „Не грози-ка ты, злодей-чюжани́н,
 Ты судимой чужей сторо́ной,
 Да своей родителю́ матушкой,
 Да роски́келем батю́шкком.
 Не убою́сь я кр[асна] девушка
 80 Твоёго́ роду, твоёго́ племени
 И не о́тця твоёго, матери,
 Тебя опьяньсливой голу́шки.“

6

Моя любушка любима́а,
 Дружна мила моя подру́жка,
 Не дай волю́шку в неволю́шку,
 Буйной голу́шки в заботу́шку.
 5 Как у злодейного чюжани́на
 По наслы́шки дело слы́шано —
 На болоти брёвна́ рублено
 И на соба́ки до́мой во́жено.
 Е плотни́цки да не уда́лыи
 10 И срубили тёпловитное гнезду́шко
 На беша́стно тйби мистичко.
 Как у чюжого чюжани́на
 Е пудо́мы му́ка но́шена,
 Е фунта́мы соль ви́шена.
 15 У злодейного чюжани́на
 Е фатерка без посомце́ньки,
 А на гвозд́у висят (всё) котомце́ньки,
 Не надо будя кр[асной] девушки
 И їсть да куски лома́на
 20 И ломги резана́,
 Да и добрыи люди́шки
 Принако́рмят и суседу́шки на́пдят.

ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

7

А моя любимая советна ты законная семейшка,
И ты куды-то пооставила меня бедную,
И горькую вдовинную обидную голбвушку,
И со малыма рожоньма сердечныма детушкам,
5 И молодым-то молодёшеньку?
И я как-то стану жить после твоего быванья,
И послы твоего тяжелого растанья?
Ты оставишь мене да не во в пору не во времечко.
И я как-то стану жить обидно кручина голбвушка,
10 И как буду кормить и поить рожонных детушек,
И я как буду обувать ихны резвыи ноженьки,
Одевать их на могучии малыи плечушки?
И как нет моя законная семейшка,
Нет ни дедушка да нет ни бабушки
15 И не желанного дядюшки.
Я как стану их воспитывать и возвращать?
Как не видя меня добрыи людюшки ростишься,
И увидя злодейны грозныи начальники,
Как повырошу на развыи ноженьки,
20 И тут приобретут у мене рожонных детушек,
Удалых добрых молодцов,
Уберут во службушку да во государеву,
А во в полки да в новобраныи.
Ах я бедна, мать я горькая,
25 Я вдова да самовольная,
Я вдова да безумная.
Не дай бог да не дай господи
Земли-матушки быть да без пахаря,
Божьей церкви быть да без служителей,
30 Ключевой воды да без рыбушки,
И не дай боже-господи
В лесах нивы безгородныи,
Не дай да боже господи
Жить мне-ка горьгорькой,
35 Мне вдовы бедной несчастней,
Буйны ветрушки меня да приогвеют,
Добрыи людюшки (меня) да приогбают.
Ты не дай-ка, боже господи,
Ты пречистая богородица,
40 И остатца мне как горьгорькой
Как вдовушки несчастней.
У мене делушко не делано,
Да и роботушка да не работана.

Только я живу да многобедная
45 Я вдова да горьгорькая,
Я не роботушку работаю.
С тоски времечко коротаю.
И со малынькими со глупинькими детушкам,
Хощь оставлена законная семейшка
50 И тепловитое гнездышко,
И хощь приоставлено многолюбимое милое
скотинице,
И приоставлено много житья-бытья живленьица,
И он оставишь мне-ка бедной
Много заботушки в голбвушку,
55 Много зазнобушки в сердечико.

8

Мой ты милый братец родимый,
Я пришла многообидная кручина голбвушка
А к единому милому братцу родимому,
К единой милой скаченой жемчуженьки.
5 Мое ты любимое милое красное солнышко,
Милый братец родимый,
Как сей ранней утринучкой
Получила себе весточку нерадостную,
Что закатилось тепло красное солнышко
10 Этой любимой ранней утринучкой.
Милый ты братец родимый,
Моя богоданна ветляна невестушка,
Как стала подходить скороа смерёгушка
К нашему тепловитому гнездушку,
15 Ты вышла бы на широко славную улицу,
На подшироку дороженьку,
Зглянула бы на пречистую пресветую б[огороди]цу,
Посулила бы ей свиченьку пудовую,
Посулила бы пелену шелковую,
20 Чтобы не взяла нашего любимого красна солнышка,
Милого братца родимого,
На тихо красное летушко,
И не обсиротила б тепловитое гнездушко,
Не остались бы как горьгорькии сиротинушки ран-
ные.
25 (И не дай ни ты господи
Со малыма горькими детушкам).

II. БЫЛИНЫ

Кондопога

ЗАПИСИ ОТ С. Ю. ТАРАЕВОЙ

1.

БЕРНЯТ ГОДИНОВИЧ

Нё в каком царствии нё в каком государствии
Жыў быў Бернят Годинович.
И ён охвѣчь быў по гореньки погуливать,
И ношка о нѣшку приколачивать,
5 Свою милу жену засматривать.
Сходиў же ён да во в конюшню,
Засмотрел ён своих добрых коней —
Тут стоит лошадка незнакомаа,
Да стоит лошадецка конь вѣронный,
10 Сбруя у ёго серебрѣнаа,
Повод у нѣго шолковый,
Поўны ясла сена надана,
Поўны корыта овса налита,
Поўны лохани да воды налиты.
15 Прихѣдит Бернят да Годинович
Во свой во светлу во светлицю,
Во новую свою да во горьницю,
Крыкнуў ён своим жаўким голосом:
„Ай же ты, мѣлада моя душка
20 Катеринка Микѣловна,
Чей же добѣр конь да во конюшеньки,
Поўны ясла сена наданы,
Поўны корыты овса налиты?“
Ну и спрѣговориť душка Катеринка М[икѣ-
лов]на:
25 „Ай же ты, мѣлад Бернят да Г[одинович],

Е добѣр конь да во конюшеньки
Моѣго гостѣя да доўгожданого,
Братця моѣго да названого.“
Тут стаў Б[ернят] да Г[одинович]
30 По гореньки да погуливать,
Очи ясныя по гореньки смахивать,
И увидеў ён на грядочки шѣлкѣву плѣточку,
И на гвоздику рукавички борановы,
И на стоўбику шляпоньку пуховую,
35 Подходиў к своей душки К[атерин]ки Мик[улов]ны.
Стукнул своей ножкой да правой,
Занѣс свою рученьку бравую
На ёйну да щѣчку на белую,
Спрѣговориў ей словечко не ласкѣвоѣ:
40 „Цѣя же плѣточка на грядочки,
Цѣи же рукавички борановы на гвоздичку,
Чѣя же пухѣва шляпа на стоўбику?“
Спрѣречит душка К[атерин]ка М[икѣулов]на:
„Ай же ты, мѣлад Б[ернят] да Г[одинович],
45 Не стучи своей правой ножинькой
И не ударь мене белой рученькой,
Ай же ты, мѣлад Б[ернят] да Г[одинович],
Е плѣточка на грядочки,
Рукавички на гвоздику,
50 Пухѣва шляпа да на стоўбику
Моѣго братця названого,
Гостѣюшка моѣго доўгожданого.“
Спрѣговориť ей Б[ернят] да Г[одинович]:
„Псѣвка ты, К[атерин]ка М[икѣуловна],
55 Баѣшь ты и подлыгаешь ты
А всѣ меня добрѣго мѣлодца в обман берѣшь.“
Хлѣснуў ён правой рученькой
По щѣчки по бравой,
Руда-крѣв у нѣй пробрызнула,
60 Покатились слѣзы горячи
Не по милу Ставру, а по гостѣюшку по мѣлому.
Тут пошоў мѣлад Б[ернят] да Г[одинович]
Со свѣѣй со светлой светлицы,
Прихѣдит ён на кухонку,
65 Говорит он своей да слуги верной:
„Ай же ты, моя мѣлаа да слуга вернаа,
Татьяна ты Микитична,
Ты по кухонки да пострѣпливай,
А во спаленку заглядывай.
70 Я пойду мѣлад Б[ернят] да Г[одинович]
Я пойду да во божью церков богу молитися.“

Тут стала стрепёушка постряпывать,
 Стала в горенку засматривать:
 Там за столом у ней немилый гость,
 75 Поўны гòры вйна на́литы,
 Много јиствушка наставлено.
 Ёны тут да најидалися,
 Допьяна́ напивалися,
 Тут оны спать уложилися
 80 На тисовую кроваточьку.
 Тут заглядела Татьяна М[икитич]на,
 Обула щеплетики на нуженки,¹
 Побежала она по дороженки,
 Скок да скок по ступеничкам,
 85 А бёгом по дороженки.
 Прибегала ёна во божью цёрков,
 Крыкнула ёна своим жаўким голосом:
 „Ай же ты, молод Б[ернят] да Г[одинович],
 Иди-ко ты домой да скорёшенько —
 90 У тебя да в доме е немилый гость,
 На кровати почивает на тисовой
 С твоей княгиней Катериной.“
 Свёрнуўся он со матушки божией церкви,
 Прибегал ён в полатушку свою гряновитую,
 95 Кидаўся ён в чуланчики немошонны,
 Хватал в руки да саблю вострую,
 Прибегал ён к кровати тисовой,
 Смахнуў своей правой рученькой,
 Отсек-отгациў дви гòловы.
 100 Тут головушки по полу да покатилися,
 Тут туловища у дудруга розвалилися,
 Тут побежаў да Бернят да Год[инович]ч
 Во стоўлу ён да во конюшеньку,
 Гди добры кòни овёс јидят.
 105 Взяў ён за шолков повод
 Добра коня и спустиў добра коня на волюшку,
 Тут скоренько ён побегаў к попу отцю дух[овно]му.
 Приносиў ён обиду великую
 На свою на душу К[атерин]ку М[икулов]ну,
 110 Как отсек-отгациў да дви гòловы,
 Много дариў ён отцю дух[овно]му
 Злата и сèребра.
 Тут и говорит отец духовный:
 115 „Делай домовища скорёшенько,
 Придавай их к матушки сырый земли.“

¹ Поженьки.

Придали их к матушки к сырой земли.
 Через малое времячко
 Молод Бернят и Годинович
 Брат ён себи невесту,
 120 Свою милую слугу верную
 Татьяну Микитичну,
 Отныне оны живут до века.

2

СТАВЕР ГОДИНОВИЧ

Жил был Ставерст Годинович,
 Ён охотник был по городу погуливать,
 Ён охотник шухочок пошучивать.
 Ёго шуточки были да нелёхкии,
 5 И не лёхкии шутил он шутики грозныи:
 Кого щёлкнул в гòлову, тот без души лежит,
 Кого клёснул по ноги, так и нога долой,
 Кого хватив за руку, так рука проць.
 Тут собиралися мўжики охрыняна,
 10 Приносили жалубу великую
 К тому князю стольнокеевску:
 „Что ходит Ставерст да по городу,
 Шутит он шутку нелёхкую,
 Погубит наше царство Рахлыньское.“
 15 Тогда промолвил князь стольнокеевский:
 „Пойдите-ко, мои мўжички охрыняна,
 А будет у мене чесен великий пир,
 И возьму Ставра да на цесен пир.“
 Сбылся у князя стольнокеевска
 20 Великий пир. Съежжались в нему
 На уёс-н пир вси царь и царёвици.
 И вси кòроли и королевици,
 И приезжал к ним на цесен пир
 Мòлад Ставерс сын Годинович.
 25 Вси ёны в пиру наедалися,¹
 И вси ены в пиру напивалися,
 И вси ены в пиру да прирасхвасталися.
 И водил Ставерс сын Годинович
 Он не ест и не пьёт и не кушает,
 30 И ничим же ён и не хвастает.
 Инный хвастает своим житьём,
 Инный хвастает своим именем,

¹ Стихи 23—25 у А. А. Шахматова записаны как проза.

Инный хва[стает] своей золотой казней,
 А безумный хвастает своей молодой женой.
 35 А как молодой Ставёрс сын Гоудинович
 Ён ничим да не хвастает.
 Подходил к нему князь стольнокеевски:
 „Ай же ты, Ставёрс, что не ешь, не пьешь и не кушаеш
 И что ж ты ничим не хвастаешь?“
 40 — „А чим же мни мблудцу хвастати?
 У меня у доброго молодца у Ставра у Гоудиновича
 Есть у меня молодё жена
 Молода Василиста Микуловна,
 Ёна у тебя дочку посватает,
 45 Тебя князь с ума повыведет.“
 Тут хватил ён Ставра за русыи вблосы
 За неумеренный ричи его
 И кидал Ставра в глубокии погреб.
 Замнул замочком щерлупчатым.
 50 И был у Ставра слуга верный,
 Садился на коня богатырского,
 Съехал в царство Рахлыньское,
 Приезжал к Василисте на белый двор,
 Крякнул ён своим жалким голосом,
 55 Свиснул ён по змииному,
 Крякнул ён по звериному.
 Спугалася мблода Василиста Мик[уло]вна,
 Кидалася к нему ёна на белый двор:
 „Ай же ты, слуга моя верная,
 60 Что ты не радость мне скажешь великую?“
 — „Твой е Ставёрс в глубоком погребу“.
 Тут крякнула В[асилиста] М[икуловна] жалким
 своим голосом,

Скрычала ёна по звериному,
 Свиснула ёна по змииному
 65 Во в чисто поле широкое,
 И верным своим конюхам удалым.
 И своему войску великому,
 Боготырям своим могучим:
 „Тридევять молодцов с молодцом,
 70 Гоните тридевять лошадей с лошадошкой.
 Гоните коней сюда своих боготырьских.“
 Тогда молода В[асилиста] М[икуловна]
 Подстригала свои русыи волосы
 Подстригалась она по молодецкому.
 75 Одевала платьице ставровое,¹
 Подтягала своё сердечко ретливое,

¹ Стихи 72—74 у А. А. Шахматова записаны как проза.

Пологала себе опруш медный,
 Пологала саблю вострую на правый бок,
 В правую руку побойную палицу.
 80 И выходила ёна на белый двор.
 Наезжало на белый двор тридевять молодцов
 И тридевять лошадок с лошадокою.
 Только видели молодушку на двор выдучись,
 И пришла ёна к добру коню ставровому,
 85 Кинула свою ручьку правую
 На ёго рёбра бравыи. С той руки конь на колени
 лал.

Только видели их сядучись,
 А не видели их поедучись,
 Приежокали в царство Литовское,
 90 Становили шатры белые,
 Выкидали флаки шелковыи.
 Тогда спугался князь стольнокеевский,
 Увидав флаки великии: „Что за войство приехало
 в наш град?

Видно, наш град погубить хотят.“
 95 Сослал он могучиих богатырей в чисто полё
 К шатрам белым, к флакам шелковым,
 Спросит могучий воин: „Зачим вы сюда приехали,
 Наше царство погубить хотите?“
 — „Мы ваш град не погубить приехали,
 100 А вашу дочку сватать,
 А хотим брать себе в обручесьво“.
 Повернулись богатыри назад к князю стольнокеев-
 скому

И говорят: „Ай же ты, князь ст[ольнокеевский],
 Не губить царство приехали,
 105 А дочку твою сватати в землю Пруньсию
 А за сына за королевицу“.
 Срадовался князь ст[ольнокеевский]
 И принял к себе дорогих гостей,
 Ставил ён столики дубовыи,
 110 Скатерёточки полагал шелковыи,
 Листвушко кладал сахарнее,
 Питья наливал медвяные,
 Садил своих дорогих гостей за столики дубовыи.
 Приходила к нему дочь да премилаа
 115 К тому князю ст[ольнокеевско]му:
 „Ай же ты, батюшко князь ст[ольнокеевский],
 Иди-ко ты сюды в мою светлую светлицу.“
 Приходиў он во светлу светлицу
 К своей к любезной дочери.

„Ай же ты, татенька любезной мой князь]
ст[ольнокеевский],

- 120 Не давай ты дивицы за женщину,
Погляди-ко походка частенька по женьскому,
Ёна стёгна о стёгна трёт, свою вещину берегёт,
Грудь у ней высокёных по женьскому,
Поговор у ней частенький по женьскому“.
Говориу ей батюшко князь ст[ольнокеевский]:
152 „Ай же ты, дочь моя любезная,
Стели-ко перинку пуховую,
Клади зголовьице крутое“.

Как женщина спит, так под ж... широко, а под плёчыками узенько. Тут ёна пошла, слала постельку пуховую, ложили Василия Микуловича на постельку пуховую. Ён свалился на полушку ж..., а на перину головой лёг. Тогда Ва[силь] Микулович вставал по утрушку раненько, умывался ён беленько. Садился к окошечку кошевчату. Проллил свои слезы горючий. Подходит к нему князь ст[ольнокеевский]: „Ай же ты, Ва[силь] Микул[ович]. Что ты слезно плачешь и рыдаешь, что тебе буде надо-то, тебе все будит“.

Спроговорит Ва[силь] Микул[ович]: „Я того плачу и рыдаю, что есть у меня едина сестра Василиста Микуловна. Выдана она за дурака за Ставра за Годиновича. Так единой¹ сестры к перу нет“. И спроговорит кн[язь] ст[ольнокеевский]: „Василь ты Микуло[вич]! Возьми Ставра на цёсен пир“. Тут он приказал Василий Микулович вытопить баенку и стал просить он князь ст[ольнокеевского]: „Дай мне умыть Ставра и уладить в теплопарной баенке“.

Дали Ставра ему на руки и повели Ставра во баенку. Вымыл он ёго беленько, одеу хорошенько; вышел ён на широкий двор, крикнул ён своим жалким голосом, крикнул он по звериному, свис подал по зминому своим могучим воинам. Сейчас пригнали воины к теплопарной баенке наехали. Вывела Ва[силь] Микуловна Ставра за белы руки на белый двор, сажала ёна его на добра коня на ставрового. Сама садилась на добра коня богатырского. Приезжала ёна к князю ст[ольнокеевскому] под окошечко. Снимала ёна шляпу пуховую: „Благодарсвую, князь ст[ольнокеевский], на твоём на чёстном перу; не дочку бы я сватати; а был, Ставра из погреба выручити“. Только видели их добрых молодцов сядучись, а не видели их уедучись. Тогда кн[язь] ст[ольнокеевский] сослал всех своих могучих воинов. Подъ-

¹ При слове „единой“ в скобках стоит „одной“.

езжали ёны к ним близенько к молодой Василисты Микулича ны. Всих ёна воинов отправила впереди себя; все гнали могучи воины на молодую Ва[силь]ту Мик[улич]ну. Начала она побойной палицей помахивать, стала ёна вострой саблей помахивать. У них головушки с плеч покатились, туловища повалились, уехала ёна в свое царство Рахлыньское с тем Ставром мужем Годиновым.

ЗАПИСИ ОТ РАЗНЫХ ЛИЦ

3

ДОБРЫНЯ

- Во стольном городе во Кееви,
У ласкова князя Владимира
Соберася, робятушка, почёсен пир.
Вси на перу напивались,
5 И вси на перу наждались,
Вси на перу порасхвастались.
Оны хвастали куницами, лисицами
И тума соболями заморскими,
Умный хвастау родной матушкой,
10 А безумный похвастау молодой женой.
Кидали оны жеребья волыньскии,
Выпау жеребий на того Добрынюшку Микитича,
Пошоу До[брыню]шка кручинитьца,
Закручинился он, запечалился,
15 Он приходи во ево постельице,
Не спрашивау у дверей предверьников,
У ворот старожателей,
Прямой шоу дорогой церёс стену,
Через тую ли стену городовую.
20 Он прямо проходи на конюший двор,
Возлагаз свой обороть шоуковый,
Седло своё черькаськоз,
Седла-уздаз на двенадцать подпругов,
Не гля красы-басы молодецкой,
25 Ради крепости богатырьской.
Из того косивчата окошечка
Как увидила Афимия Олексан[дров]на,
Она скоро выходи на конюший двор,
Становилась ко стремени ко правозей,
30 Сама говорила таковы слова:
„Ох ты, ласковой мой приветливый,
Ты хороший Доб[рыню]шко Микитиныхъ,

Куды поездежаш, куды путь держиш,
 В которую путь широкую дороженьку,
 35 На ко́го же ты оставля́еш свою матушку?
 — „Ай же ты, родитель мой матушка,
 Ты бы лучше меня да не поро́дила,
 Завернула бы в комо́тики крущатыи,
 Снесла бы под го́ру да под по́кату́ю,
 40 Я бы лучше добрый молодецъ
 Ката́йся бы валя́йся белым ка́мешком.“
 Што из то́го косивця́та окоше́чка
 Как увидила Настасия Микули́чна,
 Она скоро выходила на коню́ший двор,
 45 Станови́лась ко стре́мену ко левоза́й,
 Сама говори́ла таковы́ слова:
 „Ты ласковый мой приветливый,
 Куды поездежаш, куды путь держиш,
 В котору́ путь широку дороженьку,
 50 На ко́го же оставля́еш молоду́ жену,
 Ту́ю ли Настаси́ю Микули́шну?“
 — „Как ше́сть лет тому́ времени мину́етца,
 Добрыни Никити́ча дома́ нету,
 Ты хоть вдовой жи́ви, хоть за му́ж пойди,
 55 Только не ходи за Але́шу за Попови́ца,
 За тако́го ли насмешника.“
 Год тот за́ год как пти́ця летит,
 А неде́ля за неде́лей как дожди́ идут,
 Миновало́сь тому́ времечки́ ше́сть лет.
 60 Ста́у тут со́унышко Влади́мир-князь уха́живать,
 Настаси́ю Микули́шну свата́ть
 За то́го Але́шу Попови́ча.
 Спроговори́т Афимия́ Олекса́ндровна:
 „Ай же ты, со́унышко Влади́мир-ца́рь,
 65 Не дошо́у бы ты над на́мы сме́яться,
 Кабы́ бы́у дома́ Добрыню́шка Микити́нычъ,
 Аще́ может Добрыню́шка домо́й бу́дет.“
 Отто́ль год за́ год как пти́ця летит,
 А неде́ля за неде́лей как дожди́ идут,
 70 Миновало́сь тому́ времечки́ двена́дцать лет,
 А Добрыню́шки Микити́ца дома́ нету.
 Ста́у тут со́унышко Влади́мир-ца́рь по́хажива́ть,
 Настаси́ю Микули́шну посвата́ть,
 75 Е́ны́ сило́ю бе́рут, а не охвото́ю
 За то́го Але́шу за Попови́ца,
 За то́го за насмешника,
 Ну и стали́ оны́ пи́рова́ть.
 Ну из то́го далече́ из чи́ста поля

Прибежала полени́ця уда́лая.
 80 Не спрашивала́ у двéрей при́дверников,
 У ворот старожа́телей,
 О́зера и Оне́га ко́нь ме́жу но́г спуска́у,
 Е́н прямо́ е́хау́ на коню́ший двор
 Че́рез ту́ю стену́ городо́вую.
 85 Ка́к увидела́ Афимия́ Олекса́ндровна
 Из то́го косивця́та окоше́чка,
 Она́ скоро́ уходила́ на ко́нюший двор,
 Сама́ говори́т таковы́ слова:
 „Ай же ты, молодая́ скоморо́шнына,
 90 Не дошо́у бы ты на́до мно́й да надсме́яться,
 Кабы́ бы́у до́му Добры́ня Микити́нычъ.“
 — „Ай же ты, — говори́т, — Офимия́ Олекса́н[дров]на,
 Ве́чер мы́ с Добрыню́шкой разъе́хались,
 Приказы́вау́ Добрыню́шка шу́боньку собо́лю,
 95 Сапо́жки козловы́и, скво́зь которы́и
 Сапо́жки воро́бья́ легя́т,
 Приказы́вау́ гу́селушки ё́ровчаты.“
 Приноси́ла Афимия́ Олекса́ндровна,
 Оде́йся до́брый мо́лодецъ, облада́йся
 100 И пошо́у он к Оле́шу Попови́цу на сваде́бку,
 Садя́йся на печьку́ кирпи́чную,
 Заигра́у в свои́ гу́селки́ яровчаты́,
 Спроговори́ Настасия́ Микули́чна:
 „Ай же ты, Оле́ша Попови́цъ,
 105 На́лей ты ча́ру по́полне́а зеле́на ви́на,
 Подхо́ди ко печьки́ кирпи́чно́ей,
 Подноси́ ча́ру зеле́на́ ви́на
 Добры́ни Микити́чу:
 Пей-ка́ ча́ру зеле́на́ ви́на.“
 110 — „Ай же ты, — говори́т, — Настасия́ Микули́чна,
 Пей-ко́ сама́ ча́ру до́ дна́.
 Пьёш до́ дна́ и уви́диш до́бра.“
 Пила́ ча́ру до́ дна́ и сама́ говори́т таковы́
 слова́:
 „Што́ не тот мой му́ж, што́ возля́и́ меня́,
 115 А тот мой му́ж, што́ супро́тив меня́.“
 Спу́сти́лся Добрыню́шка с печьки́ кирпи́чно́ей,
 Взя́у Оле́шу Попови́ца за жо́уты́ кудры́:
 „Ка́к же ты, — говори́т, — Оле́ша Попови́цъ,
 От живо́го му́жа жо́ну отня́у?“
 120 Взя́у Оле́шу за жо́уты́ кудры́,
 Тряхну́у Оле́шу о кирпи́чну́ печь,
 Оле́ша тут то́лько жи́в бы́вау́.
 А сам с жо́ной домо́й ушо́у.

РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

(Великопостная песнь)

У вдовы у нашицы
Было деветь сыновей, одинака доць,
Эты сыновья вси повѣзросли,
Одинакову дочерь замуж выдали,
5 Эты деветь сыновей во розбой вси ушли,
Эту замуж выдали за тоз за славноз сине мѡрю-
шко,

За того купця и за богатою.
Уж я год жыла, не стоснулася,
Я другой жыла — и в ѹмах нѣ было,
10 Я на третий год стосковалась,
Со своим мужѡм думу сдумала,
Я у свѣкрушка поспросилась,
Я у свѣкровушки доложилась,
Поехали со своим мужѡм на родину в гости,
21 Ну эты деветь сыновей в розбой пошли.

5

ВАСИЛИЙ ОКУЛЬЕВИЧ

Во славном в гѡроди во Кееви
У прекрасного царя Василия Окулиѣвиця
По бѣлой палаты похаживаѹ,
На праву ноженьку припадываѹ,
5 Левою рученькой помахиваѹ,
Сам говориѹ таковы слова:
„Вси у нас цари в гради пожѣнены,
Красны девушки за мѹж даны,
Один хѡлост у нас в Царь-гради
10 Прекрасный царь В[асилий] Окулиѣвиць.“
Вси за столом притулялись.
Вси за столом призамоѹкли,
„Вы можете ль прибрать кнегиню супротивницю,
Была бы станѡм равна,
15 И животѡм свезнѹ,
Речь-поговорь учливая,
Чѡрны бровѹ чорна сѡболя,
Ясны оци ясна сокола,
Она на лице сударыня весьма хороша.
20 Не стыдно бы было нам царицей звать,
Не стыдно бы было нам поклонитися.“

Из того стола из-за дѡбового,
Из-за тых скамеечек дубовых
Выставаѹ Таракашка-гось, купець заморянин:
25 „Пр[екрасный] царь Василий Окульѣвиць,
Я вам знаю невесту супротивницю,
Станѡм ровнѹ и животом связна,
Речь-поговорь услицовая,
У ней чѡрны брови чѡрна сѡболя,
30 Ясны оци ясна сѡкола,
Она на лице сударыня весьма хороша,
Не стыдно буде нам царицей звать,
Не стыдно будѹ поклонитися —
Во гради да в Иеросолими
35 У царѹ да у Соломона
Прекраснаа царица Саломѹния.“
— „Как же это дело можно сдѣлать —
У живого мужа женѹ отнять,
Надо много биться либо драться,
40 Проливать велико кроволитьѹ.“
— „Пр[екрасный] царь В[асилий] Окульѣвиць,
Не надо много биться, драться,
Проливать велико кроволитьѹ.
Твоѹ животы — мои домыслы:
45 Ты сострой три кѡрабля шерленных,
Положи товѹры все дорѡгии,
На перьвый кѡраб на шерленный
Положи товѹры дорѡгии,
Куници да лисици, чѡрна сѡболя,
50 На дрѹгой кѡраб на шерленный
Положи товѹры дорогии,
Камешки самоцветныи,
На третей кѡраб на шерленный
Сострой кроваточку ребѹя зубѹ
55 И стели перину мягко-пѹхову,
Кладѹ зголовьѹ крутоскладнѹе,
В гѡлови поставь-ко древо кипарис-древо,
На тоз древо кипарис-древо
Посадѹ - ко птициньку малѣшеньку и умнѣшеньку,
60 Котора птиця по зарѹм поѹт,
По утрѹ рану до вечерѹ позду,
Ни в котору пору не покидываѹт,
Спотѣшаѹт за царѹ да за прекрасного,
Ну ещѹ постав людей шутливых,
65 Шутливых людей учливых,
Язычников и музычников,
И скленщиков и барабанщиков.“

И соорили три кáрaбля щерлeннeных
 И положили товары дорóгии
 70 И поставили людей шутильвых,
 Шутильвых и учливых,
 И язычников, и музычников,
 И скленщиков, барабанщиков,
 Поехал Таракашко за славно синё морё
 75 Во то́т в Иеросолим-град.
 Приежжал в Иеросолим-град,
 Приходит к царицы Саломании:
 „Прикраснаа цяриця Саломания,
 Обцины наши три кáрaбля щерлeннeных.“
 80 Прогóворит цяриця Саломания:
 „У царя у Соломона
 Есть обцинщики и процинщики,
 Обцинят твои три кáрaбля щерлeннeных.“
 Послала обцинщиков - процинщиков
 85 Обцинить эти три кáрaбля щерлeннeных,
 Оны приходя на первый кáраб на щерлeннeный,
 Таракашка-гось догадаэтця,
 Наливаэ он чару зеленá вина
 В турей ро́г пива пьяно́го,
 90 Склeнничку да мёду сладко́го,
 Также и на другой пришли кáраб на щерлeннeный,
 Таракашка-гось да сдогадаэтця,
 Наливаэ чару зеленá вина,
 Рог турей ро́г пива пьяно́го,
 95 Склeнничку мёду сладко́го,
 Так и на третей кáраб на щерл[eннeный]
 Таракашка-гось сдогадаэтця,
 Стали оны пьяны-вёсeлы,
 Не могли обцинить трёх кáроблeв щерлeннeных.
 100 Приходит Таракашка дрóгой раз
 К прикрасной ц[яри]цы Саломании:
 „Пр[екраснаа] ц[яри]ця Саломания,
 Твои обцинщики-процинщики
 Не могли обцинить трёх кáроблeв щерлeннeных.“
 105 Потом посылаэ дрóгой раз:
 „Обцинщики-процинщики,
 Обцините три кáрабля щерлeннeных.“
 Таракашка-гось сдогадаэтця,
 Наливаэ он чару зеленá вина
 110 В турей ро́г пива пьяно́го,
 В склeнничку мёду сладко́го.
 Приходя на дрóгой кáраб на щерл[eннeный],
 Тар[акашка] гось да сдогадаэтця,

Наливаэ он чару зеленá вина,
 115 В турей ро́г пива пьяно́го,
 В склeнничку да мёду сладко́го.
 Стали оны пьяны-вёсeлы,
 Не могли обцинить трёх кáроблeв щерлeннeных,
 Приходит Таракашка третий раз
 120 К прекрасной ц[яри]цы Саломании:
 „Пр[екраснаа] ц[яри]ця Саломания,
 Обцины наши три кáрабля щерлeннeных,
 Ты подлeгчись-ко, сударыня, сама сходить —
 Твои обцинщики-процинщики
 125 Не могли обцинить трёх кáроблeв щерлeннeных.“
 Пошла ц[яри]ця Саломания сама уж тут,
 Приходит на первый кáраб на щерлeннeный,
 Таракашка-гось здесь сдогадаэтця,
 Наливаэ он чару зеленá вина,
 130 В турей ро́г пива пьяно́го,
 Склeнничку мёду сладко́го.
 Приходит на дрóгой кáраб на щерлeннeный,
 Тар[акашка]-гось сдогадаэтця,
 Наливаэ он чару зеленá вина,
 135 В турей рог пива пьяно́го,
 Склeнничку мёду сладко́го,
 Стала ц[яри]ця пьяна й весела,
 Приходи он на третей кáраб на щерл[eннeный]:
 „Блáслови, Таракашка-гось, купец заморянин.
 140 На кроваточку поспать лечи.“
 —„Ложись, ц[яри]ця, про тебя и ложена.“
 Тут якоря катаэ, парусá здымаэ
 Таракашка-гось, купец заморянин,
 Дубовы сходенки выбрасываэ,
 145 Шо́ковы причолушки топором рубиэ,
 Поехаэ за славно сине морё,
 Увёз прекрасную ц[яри]цю Саломанию,
 Привёз туды во славный во город во Кеев,
 Веселым перком и за свадебку (sic).
 150 Царь Соломон пришоэ,
 Стаэ спрашивать: „Гди ц[яри]ця Саломания?“
 —„Увёз Таракашка за синё морё,
 Во тот во славный во Киев-град.“
 Стаэ своё войсько сберать—жена надо искать.
 155 Пошли туды во славный во Киев-град:
 „Первый раз сыграю—быдьте вси в снаряди.
 Дрóгой раз сыграю—быдьте в половин-дороги.
 Третий раз сыграю—так быдьте вси при мне.“
 Тут сокрути́ся калика перехожий

- 160 Пришоў к ц[яри]цы Саломаниі,
Прекраснога царя і дома нет.
Поглянула і прекр[асны] царь ідэ.
„Куды я тебя топерь кладу?
(Поди в сундук — вот пр[екрасны] царь В[асилий]
Окул[евич]“).
- 165 Сундук отв[орил], он и вошел в сундук,
Пришоў пр[екрасны] царь Вас[илий] Окуліевіч.
Она говорит: „Отгони загодку — на царі сажу, с
царём говорю.
У меня царь Соломон под ж... сломан,
Казни скурва, хитростями будет хитрый,
- 170 А топерь-то в наших руках.“
— „Не казнить меня по простому, казнить по
царскому.
Сделайте в чистом поли
Три ступеньки, три петеўки —
Петелку шоўкову, дру́гу пенькову, третью лы́цану.
175 Куды класть буйна голушкa, куда класть пра-
ва рученька, лева ноженька.
Передни-то колёса идут-то идут,
Передни колёса конь везёт,
А середни колёса по неволи идут,
А третьи колёса чёрт несёт.
180 Бласлови пр[екрасны] царь Окульевич
В рожок поиграть, коровушок я пасывал с ма-
ленька,
Коровушок пасываў, в турей рог играваў.“
Ц[яри]ця говорит: „Казни е́го, скурва — от хитро-
стями избудет.“
- 185 Выстаў на другую ступеньку:
„Бласлови еще поиграть в рожок.“
На третью уж выстаў:
„Бласловиш поиграю, не бласловиш поиграю.“
— „Што же в поли шум велик?“
— „Знают все гуси - лебеди, што мни смерть.
190 Посмотри - тко, пр[екрасны] царь Вас[илий]
Окульевич.
Мои гуси приклевали всю пшеницу твою.“
Его повесили,
Таракашку повыше всех в петеўку шоўкову,
Потом в пеньковую повесили прекр[асно]го царя,
195 А в лы́цану повесили ц[яри]цю Саломанию,
За то Таракашку повыше всех, што труда бо́льше
всех.

ДЮК

- Как не белаа берёза к землі клонитця,
Не кудряваа ребина нагибаэтця,
Молодой боярин Дюк Степановиць.
Просит у своей государыни матушки:
5 „Ай же ты, чесна вдова Мамелфа Тимофеевна,
Дай ты мни молодцю благословленицё
Выехать подалечю во Киев-град
К князю Владимиру стольнокиевскому.“
Возгворит ему матушка,
10 Чесна вдова Мамелфа Тимофеевна:
„Ай же ты, чадо любимоз,
Молодой боярин Дюк Степановиць,
Поедеш туды да поросхвастаэшь,
Посадят тебя в землену́ тюрьму.“
15 Сгворит молодой боярин Д[юк] С[тепановиць]:
„Ай же ты, родитель моя матушка,
Чесна вдова Мамелфа Тимофеевна,
Ты дашь благословение — повьеду,
И не дашь благословения — повьеду.“
20 Выходит на конюшню постоялую,
Выводит свою бурушка косматявicia,
Надевает он уздицу тесмянную,
Берёт он плётчку ременную,
Надевает он седёлушко черькасыкоз,
25 В эфтом седёлушки черькасыкоз
Затягиват двенацать подпружечков,
Подпружечки были мѣдныи,
Дорогой были меди боровицькой,
Подбрюшнички были шоуковыи,
30 Дорога́го шоўку шемаханьско́го,
Шемаханьский тот шоўк не тлеет, не гниёт.
Застёгиваў пряжецьки золочоныи,
Дорога́го золота армянско́го.
Стремёноцьки были булатнии,
35 Дорога́го булату заморьско́го,
Заморьской булат гнетця, не ломитця,
Не для красы сделана, а для крепости.
Садяўся молодой боярин Д[юк] С[тепановиць]
На добра́ коня и поехаў в чисто полё.
40 В чистом поли пришло дви дороги широких,
Тут столб стоит, на сто́бе написано:
„Окольной дорожкой ехать три году,
А прямой дорожкой ехать три мѣсяца.

15 Есь три за́ставы вели́ких:
 Пёрва за́става — лю́ты зми́й.
 Дру́га за́става — лю́ты зви́ри,
 Трё́тья за́става — чо́рны вдро́ны.
 Поеха́у молодой боярин Д[юк] С[тепановиць]
 По прямой дороги прямоежжеей,
 30 Приеха́у он к перьво́й за́ставе
 Как к лю́тым змия́м (*sic*),
 Как зме́й тыи россви́стались,
 Росплава́лись,
 Добры́й конь от страха на коленка па́у.
 35 Уж он би́у коня́ по тучны́м бедро́м:
 „Воу́чья ты сыть, сенно́й мешо́к,
 Ты не́ слыха́у визгу зми́иноу́?“
 Добры́й тут конь осерьжа́етця,
 От сырой земли́ отделя́етця,
 40 Х по́у траву́ и че́резь траву́,
 Он х по́у лесу́ и че́резь лесы́,
 Он реки́ и озе́ра перескакива́у,
 Большо́й Оне́га прѹме́ж ног пуска́у.
 От той-то он за́ставы унашы́вау,
 45 Приеха́у он к друго́й за́ставы — к лю́тым зви́ря́м.
 Звери́ ты роскрича́лись, розбегали́сь,
 Добры́й конь от страха на коленка па́у.
 Он би́у коня́ по тучны́м бедро́м:
 „Воу́чья ты сыть, сенно́й мешо́к.
 Аль ты не́ слыха́у крыку́ зверино́у?“
 70 Добры́й конь осерьжа́етця,
 От сырой земли́ отделя́етця,
 Он х по́у травы́ и че́резь траву́,
 Х по́у лесу́ и че́резь лесы́,
 75 Реки́, озе́ра перескакива́у.
 Большо́й Оне́га прѹме́ж ног пуска́у.
 От той-то он за́ставы унашы́вау,
 Приеха́у он х третьё́й за́ставы,
 К третьё́й за́ставе х чо́рным вдро́нам,
 80 Вдро́ны розлетали́сь, розлетали́сь и розграя́лись.
 Добры́й конь от страха на коленка па́у.
 Он би́у коня́ по тучны́м бедро́м:
 „Воу́чья ты сыть, сенно́й мешо́к,
 Не слыха́у гра́нья воро́ньёу?“
 85 Добры́й тут конь осерьжа́етця,
 От сырой земли́ отделя́етця,
 Он х по́у травы́ и че́резь траву́,
 Он х по́у лесу́ и че́резь лесы́.
 Реки́ и озе́ра перескакива́у.

90 Большо́й Оне́га прѹме́ж ног пуска́у.
 От той-то он за́ставы унашы́вау.
 Приеха́у ко городу́ ко Кее́ву,
 Приходи́т к кня́зю Влади́миру
 Х по́лату белока́менну.
 95 Кня́зь Вл[ади́мир] стольно́кеевский
 Принима́у е́го за доро́га гостя́,
 Сади́у за дубо́вый сто́у,
 Спрашы́вау кото́рой доро́жкой е́хау,
 Прямо́й ли доро́гой али о́кольно́й.
 100 — „Е́хау прямо́й доро́гой, где три за́ставы вели́-
 ких.“
 Ста́у кня́зь Влади́мир потчи́вать,
 Нали́вау он ча́ру зелено́ вина́,
 Зелено́ вина́ х по́утора́ ве́дра,
 Меро́й ча́ра х по́утора́ ве́дра,
 105 Весом ча́ра х по́утора́ пуда́.
 Принима́у ту он еди́ной руко́й,
 Выпи́вау во еди́нный здо́х.
 Сго́ворит кня́зь Вл[ади́мир] стольн[ый] о́кеевский:
 „Моло́дой боя́рин Д[юк] С[тепановиць]:
 110 У вас в бога́той орды́ во Во́лынь-земли́
 Тако́е ли ку́рят зелено́ вино́?“
 Сго́ворит моло́дой боя́рин Д[юк] С[тепановиць]:
 „Как у мое́й-то свет госуда́рыни-мату́шки,
 Че́сной вдово́й Намел́фы Тимофе́евны
 115 Два по́греба́ глубо́ких,
 На цепоч́ках сере́бренных.
 Вися́т бо"ч́ьки соро́ко"выи,
 Не ко́птятця́ и не пы́лятця.“
 Потом по́дали ко́лачики кру́пицаты.
 120 Сго́ворит кня́зь Вла[ди́мир] стольно́кеевский:
 „Моло́дой боя́рин Д[юк] С[тепановиць]:
 Э́таки ль у вас пеку́т ко́лачики кру́пицаты?“
 Сго́ворит моло́дой боя́рин Д[юк] С[тепановиць]:
 „У нас-то в бога́той орды́,
 125 Бога́той орды́ да во Во́лынь-земли́,
 Мое́й-то у свет госуда́рыни мату́шки,
 Че́сной вдово́й Н[амел́фы] Ти[мофе́ев]ны
 Пе́кут ко́лачики кру́пицаты
 На пе́цьки фарфо́ровы,
 130 Пѹ́ды хруста́льнии,
 По́малу́шки шо́уковыи,
 Не па́хнут ко́лачики
 Ни на гли́нку ни на со́сонку.“
 Кня́зю Влади́миру не в лю́бов при́шло,

135 Што он росхвастаўся,
Сказаў своим слугам верным:
„Возьмите молодого боярина Д[юка] С[тепановиця],
Посадите в землю тюрьму.“
Послаў Микиту Казимира
140 Описывать Дюковых животных.
Он ехаў окольной дорожкой три году,
Приехаў, золоту орду,
В эту орду да во Волынь-землю
Х чесной вдовы Н[амел]фы Ти[мофеев]ны.
145 Приходит х полату белокаменну,
Сидит жена староматера.
Скидываёт он пуховой коўпак,
Биў челом о сыру землю:
„Здрасвуй, мой свет государыни
150 Дюкова матушка,
Чесна вдова Н[амел]фа Т[имофеев]на!“
— „Ай же ты, упавый, снарядный добрый молод-
дець,
Ты положи коўпак на головушку —
Я Дюковой матушки клюшница,
155 А Дюкова матушка во божьей церкви богу мо-
лится.“
Пошоў Микита Казимиров во божью церковь,
Попадает ему сорок жон староматерых,
Скидываў тут он пуховой коўпак.
Биў челом о сыру землю:
160 „Здрасвуй, свет государыни
Дюкова матушка!“
Сговорят жены староматеры:
„Ай же ты, упавый, снарядный добрый молод[ець],
Положь коўпак на головушку —
165 Мы Дюковой матушки портомойницы,
А Д[юкова] матушка во божьей церкви богу
молитца.“
Пошоў М[икита] Казимиров во божью церковь,
Попадает ему сорок жон староматерых,
Скидываў тут он пуховой коўпак,
Биў челом о сыру землю:
170 „Здрасвуй, свет государыни
Дюкова матушка!“
Говорят жены староматеры:
„Ай же ты, упавый, ты снарядный добрый
м[олодец],
175 Положь коўпак на головушку —
Мы Дюковой матушки постельницы,

Д[юкова] м[атушка] во божьей церкви богу
молитца.“
Пошоў Микита Казимиров во божью церковь,
Спереди идут сорок жон староматерых,
180 Позади идёт сорок жон староматерых,
Сбоку идёт сорок жон староматерых,
И с другого сорок жон староматерых,
Несут ту Дюкову матушку
С подсоунышника и с подветреника,
185 Штобы ветрышков не огвёло,
Соунышков не обжарило.
Скидываў тут он пуховой коўпак,
Биў челом о сыру землю:
„Здрасвуй, свет государыни
190 Д[юкова] м[атушка],
Чесна вдова Н[амел]фа Т[имофеев]на!“
Тут сговорит чесна вдова Н[амел]фа Т[имофеев]на:
„Ай же ты, упавый ты снарядный добрый мол-
[odec],
Гди же молодой боярин Д[юк] С[тепановиць]?“
195 — „Он приехаў к князю Владимиру.
Поросхвастаўся, князю В[ладимиру] не в любовь
пришло,
Посадиў его в землю тюрьму.“
Домой пришла в полаты белокаменны,
Говорит своим слугам верным:
200 „Ведите М[икиту] Казимира
На конюшню постоялую
Описывать Дюковых животных.“
Он писаў три году,
Он писаў три воза,
205 И поехаў ко городу ко Киеву.
Окольной дорожкой ехаў три году,
Времени стало девять лет.
Приезжает к князю В[ладимиру]:
„Кн[язь] В[ладимир] стольнокиевский,
210 Продай Киев-град со Черниговом,
Купи бумаги со чернилами,
То ж ты пдежжай
Дюковых животных описывать.“
Потом кн[язь] Вл[адимир] стольнокеевский
215 Приказаў слугам верным
Выпустить Дюка С[тепанови]ча с тюрьмы земляной,
Што правду говориў.
Приходит Чирила Оплёнкив,
Сам говорит таковы слова:

220 „Молодой боярин Д[юк] С[тепановиць],
 Станем щипить да выщипливать,
 Чье будет платьице лучше всех.“
 Сговорит молодой боярин Д[юк] С[тепановиць]:
 „Твоя похвала наперед зашла.“
 225 Чирила Оплёнкивиць одеу платье што нилучшее,
 По подолу было вышито
 Чистым серебром шесь строцёк,
 По вóроту деветь строк красным зóлотом,
 Петеўки были как молодушки,
 230 Пуговки были как кр[асны] девушки,
 Молодой б[оярин] Д[юк] С[тепановиць]
 Одеу платье што нилучшее,
 По подолу было вышито деветь строк чистым сèребром,
 По вóроту крас[ным] зóлотом двенацать строк.
 235 Петеўки были как люты змей,
 Пуговки были как люты зверй.
 Потом возгóворит Чирила Оплёнкивиць:
 „Хто может сходить через рещьку Почай-реку на
 добром кони?“
 Возговорит м[олодой] б[оярин] Д[юк] С[тепановиць]:
 240 „Твоя похвала наперед зашла.“
 Чирила Оплёнкивиць скочиў на добром кони
 Да и паў в реку и в Почай-реку.
 А м[олодой] б[оярин] Д[юк] С[тепановиць]
 Как скочиў через рещьку Почай-реку,
 245 Потом и назад скочиў через рещьку П[очай]-реку,
 Вытащиў Чирила Оплёнкивиць с лошадыю.
 Потом говорит князь Вл[адимир] стольнокиевский:
 „Молодой б[оярин] Д[юк] С[тепановиць],
 Хоть казни Чирила Оплёнкивиць, хоть так спусти.“
 250 Как стали девушки уплакивать,
 Молодушки упрашивать,
 Он лягнуў еѹ под ж...
 М[олодой] б[оярин] Д[юк] С[тепановиць]:
 „Быдь ты девйцей уплакальник,
 255 А бабий упрашальник.“
 Возговорит князь В[ладимир] стольнокиевский:
 „М[олодой] б[оярин] Д[юк] С[тепановиць],
 Покажи мни перьву заставу чорных воронов.“
 Как приехали х перьвой заставы,
 260 Вороны как розгрáлись, розлетались,
 Князь В[ладимир] приужахнуўся,
 Княгиня Опраксия без души лежйт.
 Он так домой и уехаў,
 А князь Вл[адимир] назад и поворотиця.

ПОТЫК

(Михаил Поток сын Ивановичь)

Не зàюшко в чистом поли выскакиваў,
 Не горностаюшко выплясываў,
 Выежжаў там добрый мóлодецъ,
 Добрый молодецъ Михаил Пóток сын Ив[ановиць]
 5 Ехаў он да по чисту полю,
 Увидеў впереди себя ведь лань да златорогую,
 Направляў своѹо коня да богатырьскоѹо
 Во всю прыть да лошадиную,
 Догоняў он лань да златорогую,
 10 Хочет ю колоть да во белую грудь.
 И спрогóворит ведь лань да златорогая:
 „Не коли ты моей да белой груди,
 Я ведь не лань е златорогая,
 Я видь Мария бела королевична,
 15 У меня да ведь положен ведь такой завет:
 Хто меня может на бегу догнать,
 За тоѹо ведь я за муж иду.“
 Браў тут Михайла за белы руки,
 За рученьки за белыи,
 20 За персьни да за злаченыи,
 Привозиў ю тут во Киев-град,
 Тут он с ней да ведь принимаў законный брак
 И стаў он напиватьця зеленá вина видь дó пьяна
 И спрогóворит ему да таково слово:
 25 „Ай же ты, Михайла Пóток сын Ивановичь.
 Положим мы какой завет,
 Который впереди помрёт —
 И ложитьця с мёртвым телом во сыру землю
 И сидеть во гробе ровно три месяца.
 30 Наежжало тут сорок царей, сорок царевичѹв,
 Сорок королей да сорок королевичѹв.“
 Пишет оны да ёрлыки во Киев-град:
 „Ежели не выведет Владимир стольнокиевский,
 Не выведет Марии лебедь белой королевичной,
 35 Так Киев-град мы огнём пожгём,
 А Марию лебедь белую не в любви возъмём.“
 А потом собраў тут Вл[адимир] ведь почесный пир,
 Все тут съежжались князья-бóяра,

Сильнии могучии богатыри.

40 Объявляю тут Вл[адимир] стольнокиевской

И спроговорию он да таково слово:

„Ай же вы, мои сильнии богатыри,

Съехалось под нашъ да под Киев-град

Сорок царей, сорок царевичёв,

45 Пишут нам ёрлыки немилостивы,

Велят вывести Марию лебедь белу королевичну
во чисто полё.“

И спроговорит Михайло Поток сын Ивановичь

Таково слово: „Не отдам я своей душеньку

Без бою, без драки, без великого кроволития.“

30 Сокрутиуся Михайла Пóток сын Ивановичь,

Подобраю своих братьев он крестовых,

Добрыню он -Микитича,

Во-вторых да Илью Муромця,

Садилась оны в тележку ворлыньскую,

85 Выезжали оны да во чисто полё,

Розвёрнули тут оны белой шатёр.

Приезжает тут сорок царей, сорок царевичёв,

Не смею тут не повывести Марии лебедь белой
королевичной.

И спроговоряют эты царевичи:

60 „За кого же ты за нас за муж идёшь?“

И он заговорию тут самым тонким нежным голосом

Михайло Поток сын Ивановичь:

„Хто кого на бою побьёт,

За того ведь я за муж идю.“

65 Оны говорят что нет тут поединника,

Все равны, а у Михайлы разгорелось его сердце
богатырьское,

Не увидею он своего меча-кладенца,

Не увидею он сабли вострии,

Выхватываю он тележку ворлыньскую,

70 Выхватываю осицо железное

И всех убию этых сорок царей и царевичёв,

Сорок королей, сорок королевичёв

И поехаю он во свой во Киев-град

Со своими братьями крестовыми,

75 С Ильей Муромцем и с Добрыней Микитичём.

Делают тут во Киеве гробницу умершему,

И спроговорит Михайло таково слово:

„Кому вы делаете гробницу умершему?“

— „Померла твой ведь Марья лебедь бела коро-
левична.“

80 И спроговоряют Михайло таково слово:

„Делайте гробницу не малую, —

Можно бы двоим лежать,

Можно бы сидя сидеть и стоя стоять,

И кладите-тко припасу на три месяца:

85 У нас с женой положен такой совет —

Сидеть-то мне во гробе ровно три месяца

Со своей женой.“

И сделали гробницу не малую

И свезли их на кладбище умершее.

90 Прощауся М[ихайло] П[оток] сын Ивановичь

Со своими братьями со крестовыми

И хоронили его да во сыру землю.

И сидит Михайла ровно три неделюшки во сырой
земли.

Приплыла тут змия да веретеницо,

95 Стала сосать тут у Марии белую грудь,

И он выдергиваю саблю вострую,

Хочет рубить змию да веретеницо на мелкий куски,

И спроговорит змия да таково слово:

„Не руби-тко моей буйной головы,

100 Оживлю теби лебедь белу М[арию] короле-
вичну.“

Даёт ему да свой велик заклад

Своего детёныша-змиёныша.

Уходила тут змия со гроба его,

Приносила змия ему живой воды.

105 Жон браю тут живу воду,

Сбрызнуу он живой водой,

Мария лебедь бела королевична пошевелилась,

Другой раз сбрызнуу, сидя села,

Третий раз сбрызнуу—Мария заговорила.

110 Закрываю Михайло тут Поток сын Ив[ановичь]

Голосом богатырьским,

Во Киеве окольные порассыпались,

На столах питья разливались.

И спроговорит его братья видь крестовыи:

115 „Прискучалось нашему братцо крестовому во сырой
земли,

Живому телу с мёртвым“.

Роскопали тут могилу погребёную,

М[ихайло] Пóток сын Ивановичь

Он идёт да и жену ведёт.

120 И приходит он во свой во Киев град,

Напивающа он да зеленá вина до пьяна на радости.

Приезжает со земли со Лихецкии

Свататьця на Марии лебедь белой королевичны,

Уежжаэт тут Марья лебедь бела королевична
125 Во зѣмлю во Лихецкую,
Приходит Михайло Пѣток сын Ивановичь
Вѣ свою полату белокаменну:
„А где же моя душенька находитьца?“
И спроговорит еѣ малосенная служаночка таково
словѣ:

130 „А увѣз да корѣль да Лихецкий
Вѣ свою зѣмлю во Лихецкую,
Он брау своего коня да богатырьского,
Кладывау потничьки на потничьки,
Кладывау своѣ седло да черькальское,
135 Застѣгивау он двенацать подпруг бухарьских
Не ради красы и не ради басы,
Ради крепости богатырьской.
Простиуся он со своимъ братьямъ крестовымъ,
Видли добра молодца сядучи, не видли ужъ поѣдучи.
140 Приежжаэт он во зѣмлю во Лихецкую.
Увидѣла еѣ да Марья лебедь бела королевична:
„Ежели хочешь владѣть мной, то што хошь делай
над ним.“

А и спроговорит он тут таково словѣ корѣль да
Лихецкий:
„Муж твой, воля твоя, што сама знаешь, то и
делай над ним.“

145 Наливала она чару зеленѣ вина,
Зеленѣ вина поугора ведра,
Положила она туды да зѣлью лютого.
Выходила она да со полаты белокаменной
И спроговорила она таково слово:

150 „Ай же ты, Михайла Пѣток сын Ив[ановичь],
Выпей-ко чару зеленѣ вина.
Зеленѣ вина да поугора ведра,
Твое дело есь дорожнѣе,
А мое дело подневольнѣе.“

155 Брау тут Михайло единой рукой
И свалиуся он тут да со добра коня,
И спроговорит Марья таково словѣ
Красивому корѣлю да Лихецкому:
„Ежели хочешь мной владѣть,

160 То куды хошь свежи Михайлу Пѣток сын Ив[ано-
вича].“

— „Муж твой и воля твоя.“
Хватала она тут белъ горючъ камень,
Колотила еѣ по правей щекѣ:
„Окаменей-ко ты, Михайло, ровно на три годы,

165 А послѣ трѣхъ годовъ да провались сквозь сыру
зѣмлю.“

Окамениу тут Михайло сын Ивановичь,
В ожидании еѣ братья видѣ крестовыи и соску-
чилились:

„Пойдем-ко мы братца своего крестового отыски-
вать.“

Сокрутились оны каликамы,
170 Пошли оны во зѣмлю во Лихецкую,
Попадаэт им калика незнама,
И спроговорит калика незнама таково слово,
Оны пригласили еѣ калику незнама во това-
рыщи,

И спроговорит калика незнама таково слово:
175 „Взяли вы меня, братцы, в товарища,
Поверстайте-ко меня да во атамань“.
Поверстали еѣ тут в атамань.
Приходили оны во зѣмлю во Лихецкую,
Становились оны против полаты-то видѣ царьскии,
180 Зарычали оны богатырьскими голосамы,
Окольници во царьскии пороссыпались,
На столахъ питья порѣзались,
А корѣль-то Лихецкий на ногахъ не могъ стоять.
И спроговорят оны таково слово калики перехо-
жии:

185 „Насыпь-ко намъ трои подсумки,
Подсумки чиста сѣребра,
Други подсумки красна зѣлота,
Третьи подсумки скачна жѣмчюга,
Поуно намъ, каликамъ, ходить по святой Руси,
190 Штобы было намъ јисъ и пить и нищимъ дать.“
И спроговорит Марья ему таково слово:

„Ай же ты, красивый корѣль да Лихецкий,
Насыпай ты имъ трои подсумки,
Это, говорит, есь не калики, а есь богатыри,
195 Моего мужа прежнего крестовы братья.“
И онъ заываетъ ихъ во свои полаты белокаменны,
Кормиу, поиу и напиткамъ упайвау
И насыпау имъ трои подсумки,
Подсумки чиста сѣребра,

200 Други подсумки красна зѣлота,
Третьи подсумки скачна жѣмчюга.
Пошли тут калики во свою зѣмлю,
Становились тут калики у белѣ камня
И спроговорит калика незнама таково словѣ:

205 „Ай же вы, братцы мои товарищи,

Брали меня во товарища,
 Поверстали меня да во ата́маны,
 Скидывайте-тко вы підсумки со своих-то плечь.
 Скидывали оны тут со своих плечь,
 210 И он стаў делить на четыре части именье́ этот
 калика незна́мый.
 И спрогòворит Ильѧ Муромец и Добрынюшко
 Никитиничъ таково́ слово́:
 „И мы тебя брали во товарища,
 Поверстали мы тебя во ата́маны,
 Не справедливо ты жыво́т делйшь.“
 215 И спрогòворит калика тут таково́ слово́:
 „Ай же вы, братцы мои товарищи,
 Взяли меня во товарища,
 Поверстали меня да во ата́маны,
 Я справедливо видь живот делю.
 220 Кто это камень черèз главу́ кинёт,
 Тому и четвёртая стопà.“
 Добрынюшка Микитицъ подхватываў,
 В колено выздыныў, сам по щотки в землю ушоў.
 Ильѧ Мўромец подхватываў, во грудь свою́ вбьз-
 дынуў,
 225 По колено в землю ушоў,
 А калика незна́ма подхва́тываў тут,
 Хратнў калика незна́ма этот бел горю́чъ ка́мень,
 И он кидаў через свою́ буйну́ голову.
 И спрогòвориў калика таково́ слово́:
 230 „Из бело́го белà ка́меня сделайся добрый мо́лодецъ,
 Михайла Пòток сын Ивановичь!“
 И спроговориў М[ихайла] таково́ слово́:
 „Ай же, мои братцы видь крестовыи,
 Как я крепко спаў.“
 235 А калика тут незна́ма потеряўся из ясных очей.
 А Ильѧ Муромец побежаў во зёмлю во Лихецкую
 К тым-то полатам белока́нным
 И крычит тожè своим богаты́рским гòлосом:
 „Насы́най мни трон підсумки то же.“
 240 А увидела тут Мария лебедь бела королевична.
 Што Михайла тот во живности.
 Наливала она чару зеленà вина,
 Зеленà вина поўтора ведра́.
 Насы́пала она тут зелья люто́го:
 245 „Ай же ты, Михайла Поток сын Ивановичь,
 Выпей-ко чароцьку зеленà вина,
 Зеленà вина да поўтора ведра́.
 Твоѧ дело ведь дорожньее,

А моѧ дело поднево́льнее.“
 245 Браў тут Михайло Поток сын Ив[ановичь] единой
 рукой,
 Выпиваў он единым духом,
 Падаў он на сыру́ землю.
 Приказала Марья лебедь бела королевична
 Ко стены прибить гвòзьями,
 250 В руки и в ноги забила ему гвозди,
 У него́ свет в очах пометушиўся.
 А у него́ была у красиво́го коро́ля дочь
 Настàсья
 И спроторила ðна ему́ таково́ слово́:
 „Ежели хочешь ты живъ бывать,
 260 Положим-ко мы с тобой завет такой —
 Меня возьми в замужество,
 Отдеру я тебя от стены да белока́менной.“
 Он ей положиў тут такой завет,
 Приказала эта Настасья от стены отодрать его́,
 265 Приказала его́ стащить во свою́ полату белока-
 менну,
 Приказала на место прибить поганого́ тотарина.
 А Марья лебедь бела королевична,
 Приносила гвоз, колотила ему во белую́ грудь,
 Изличала тут Настасья ровно шесць недель его́
 Михайлу П[òток] сын Ивановича
 270 И ра́ны его́ приза́жыли.
 И спроговори́т ей М[ихайло] Поток сын Ивано-
 вичь:
 „Ай же ты, моя Настасья да королевична,
 Прикажи-тко повывести моего́ коня богаты́рскогого
 Со тых коню́шен бело́дубовых.“
 275 Прика́зывала тут коня богаты́рскогого
 Привести под своё крыльцè перёноз.
 И выводили его́ коня тут богаты́рскогого
 Со коню́шни бело́дубовой.
 Выходиў тут М[ихайло] Пòток сын Ив[ановичь]
 280 Со той тут полаты белока́менной,
 Садя́ся он тут да на добра́ коня.
 Уе́жаў он со зёмли со Лихецкии,
 Нако́ниў он силы да по старому,
 Прие́жаэт он снова во землю во Лихецкую.
 285 Прие́жаэт он к полатам-то ко царским.
 Увидела Мария прежнего́ мужа.
 Наливала она чару зеленà вина.
 Зеленà вина в поўтора ведра́.
 Выносила ему́ чару зеленà вина:

290 „Ай же ты, М[ихайло] Поток сын Ив[ановичь]
Выпей-ко ты чару зеленá винá,
Зеленá винá в поўтора ведра.“
Браў тут Михайло единой рукой,
Хочет он выпивать чару зеленá винá,
295 А ростворено там ё́кно косевчато.
И спроговорит там Настасия таково́ слово́ коро-
левична:

„Ай же ты, Михайла Поток сын Ив[ановичь],
Не пей-ко этой чáры зеленá винá,
Зелена винá поўтора ведрá,
300 Погляди-тко ты на ручьку на правую,
С правой на ручьку на левую,
Спомни-тко ты да свой завет.“
Зглянуў как на ручьку на правую,
С правой на левую,
305 Розгорелось ё́го сэрце богатырьско́е,
Хватаў тут Марью за вóлосы за жёнський.
Кидаў ю тут о сыру́ землю́,
Только Марья и жыва была́,
А тут он браў эту́ Настасью-королевичну сibi в
замужесью.

8

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

Не заюшко во чистом поли выскакиваў.
Выежжаў там добрый мóлодець,
Добрый мóлодець Чурила Плёнковичь.
Подъежожа́т он ко полаты белока́менной,
5 Ко́ тому ко ста́рому Пере́мету да Васи́льеву.
Опуцаўся он да со сво́го со добра́ коня́,
Привязываў коня он ко стоўбу да ко то́чному.
Ко́ тому кольцо да золочо́ному,
Ставаў он на крыльце́ да на пирёно́з,
10 Браўся он за кольцо́ да за сере́брено,
Стаў он во двери́ пощаўкивать.
Выходит там девушка́ повáренна,
Поваренна девушка́ челя́динна,
И спроговóрит девка́ таково́ слово́:
15 „Ай же ты, Чурила Плёнковичь,
Нету у меня во до́мї хозя́ина старо́го Пере́мета да
Васи́льева,
Некому да гостей подчивать.“

Выходит ё́го да мóлода́ жена́,
Мóлода́ жена́ Катерина да Мику́лична,
20 Била девку по правой ще́ки:
„Ай же ты, девка́ повáренна,
Поваренна девушка́ челя́динна,
Знай же ты, девка́, х печи варить,
А не знай же ты гостей отказывать.“
25 Бра́ла тут Чурилу за белы́ руки,
За персьни за золочо́ныи,
Целовала ё́го в уста да во сахарны́и,
Отводила ё́го во спальню́ да во тёплую́,
Стали оны в шашки с ним поигрывать,
30 Он и раз играў, ю поббы́граў,
Другой играў, он поббы́граў,
Третьй играў, он пообы́граў.
Мóлодецько сэрдецько мáло стерпы́ливало,
Браў ю за ручки за белы́и,
35 За персьни да за злaчeны́и,
Прижимаў он к своему́ да ретиву́ сeрцý,
Ложылись оны тут на кроваточку́ тисовую́,
На перину на пуховую́.
Приходит девка́ повáренна,
40 Поваренна девушка́ челя́динна,
И спроговóрит девка́ таково́ слово́:
„Ай же ты, дура жóнка стра́мниця,
Муж по дровá, а сама за муж пошла́,
Скажу я старому́ Пере́мету да Васи́льеву
45 Про твою́ в[еликую] не́удачу.“
И спроговóрит Чурила Плёнковичь:
„Не скáзывай ты старому́ Пере́мету да Васи́льеву,
Бери-тко ты с меня́ денег пятдеся́т рублeй,
Да еще бери,—говóрит,—косяк камки,
50 Косяк камки да заморьский.“
Уходила девка́ тут со спальни со тёплóй,
Уходила она да во божью́ церкóв,
Приходила она со правóй рукй́
Ко старому́ Пере́мету да Васи́льеву,
55 И спроговори́ла она да таково́ слово́:
„Ай же ты, старýй Пере́мет да Васи́льевич,
Ты видь богу́ мо́лишься,
Над собою́ не́згоды ты не веда́ешь,
Есь у тебá да нелюбимый гoсь в гостя́х,
60 Спит на твоей кровати́ да на тисовой́,
Со́ тво́ей с мóлодой жeной,
Со́ тво́ей с Катериной да Мику́личной.“
— „И ежели быль говóришь, девка́, пожалую́,

Положыў он коня своего боґатырьскоґо
Во тѣи конюшни белодубѣи.
10 И пошоў он во полату белокаменну.
Он приходит в полату белокаменну,
Крес кладѣт он по писаному,
Поклон ведѣт да по учѣному,
Королѹ он кланяѣтца в осѣбину.
55 И спроґоворит король да тут Лихецкий:
„Пойди-тко ты, тихий Дунай сын Ив[ановичь],
Садись-ко ты во кресла белодубовы.“
И спроговорит тихий Дунай сын Ив[ановичь] та-
ковѣ слово:

„Я не гостить к тиби пришоў,
60 Пришоў свататьця.
Выдай ты дочку за нашеґо за соньця за Вла-
димира меньшою.“
И спроґоворит король ему таково слово:
„Видно, што у вашего у Владимира
Нет послать ни князя, ни боярина, ни могучеґо
боґатыря свататьця.“

65 Тихий Дунай сын Ивановичь
Разгорелось серьеце боґатырьскоґе,
Выдерьгиваў он саблю вострую,
Отсек тут королѹ да главѹ буйную,
Браў тут Епраксию-королевичну
70 За белы руки и за персьни за золочѣныи,
Выводиў ю тут Апраксию на широкий двор,
Выводиў он коней боґатырьских
Со конюшен белодубовых,
Посадиў тут Опраксию на добра коня,
75 Поехали оны да со царьсва со Лихецкоґо.
Едет тут палениця видѣ удалая на стрету ему
на удалом кони

Настасья-королевична:
„Как же ты смеў мою сестру везти,
Дай-ко съѣдимся да ударимся с тобой
80 Мечамы-кладенцамы“.
Оны тут розѣхались на добрых конях,
Не могла Настасья на кони сидѣть,
Слетела она да на сырѹ землѹ,
Он выдерьгиваў тут копьѣ вострое,
Хочет ю сколоть да во белѹ грудѹ.
85 И спроґоворит Настасья таково слово:
„Ай же ты, тихий Дунай сын Ив[ановичь],
Не коли-тко ты моей белой грудѣ,
У меня положен видѣ на сѣм свитѣ такой завет—

90 Хто меня может на бою побить,
Я за того иду в замѹжесьво“.
Браў тут он тихий Дунай сын Ив[ановичь]
За ручьки ю за белыи,
За персьни да за злачѣныи,
95 Целоваў ю в уста да во сахарьнии,
И поехали оны трѣз да во Киев-град.
Приежжают оны да во Киев-град,
Ствечаѣт их Владимир стольнокиевский
С бѣльшей почесью,
100 Заводили оны да тут почесный пир,
Тут-то вси да на перу да наедались,
Вси на перу да напивались,
Вси на перу да поросхвастались.
Умный хвастаў отцѣм-матерью,
105 Безумный хвастаў молодой женой,
Богатый хвастаў золотой козной,
Купцы хвастали товарамы.
А выходит тут такой Дунай да сын Ив[ано-
вичь]:

И спроґовориў Дунай да таково слово:
110 „Хто идѣт со мной во чистѣм поли стрѣлять,
Хто может эту стрелку расколоть да на двоѣ—
Половиночки были бы ровныи?“
И спроґоворит еґо да молодѣ женѣ.
Молода жена Н[астасья] королевична:
115 „Ай же, тихий Д[унай] сын Ив[ановичь]:
Не тиби стрѣлять во чистѣм поли,
Тиби не угодить в эту стрелочку
И не расколоть этой стрелочки по полѣм.“
Он стрѣляў тихий Д[унай] сын Ив[ановичь],
120 Раз стрѣлиў он—не дѣстрилиў,
Другой стрѣлиў—перѣстрилиў.
Выходила тут молодѣ жена,
Мѣлода Настасья-королевична,
Стрѣлила она с своеґо с ружья,
125 Росколола эту стрелочку на двоѣ
И половиночки обѣ равныи.
Разгорелось серьеце боґатырьскоґе
У тихѣ Дуная да сына Иваныча.
Хватаў он саблю вострую,
130 Хочет рубить да Настасьи буйну гѣлову.
И спроґоворит она да таково слово:
„Ай же ты, тихий Дунай да сын Ив[ановичь],
И моя-то голова ведѣ есь повинная,
А другу гѣлову срубѣшь ты неповинную:

- 135 Я чувую в утробі у мене несучу я сыну тобі
прекрасного".
И он не мог своего сѣрца сдержать да боѣатырь-
скоу.
- Отрубив ей буйну голову,
Приказав он распороть белу грудь ей,
И вынимав он младенца мѣртваго (sic),
140 И увидев что сын родиуся бы прекрасный,
Хватав он свой штык-то вострый,
Падав он на свой на вострый штык,
Тым дело его кончилось.

ЗАПИСИ ОТ РАЗНЫХ ЛИЦ

10

ДУНАЙ ИВАНОВАЧ

- Во стольням гради во Києве
У ласкова князя Владимира
Было столованье почесный пир.
Вси на перу напивались,
6 Вси на перу нажидались.
Вси на перу поросхвастались.
Тот тым, а иной иным,
Кнѣзи хвастают златом,
Бояри хвастают серебром,
10 Умный хвастав матушкой,
Безумный хвастав молодой женой,
Соунышко В[ладимир] стольнокиевский
Под перу-то он похажыват,
Сапог о сапог поколачиват:
15 „Вси у вас во городе поженяны,
Красны девицы за мужь выданы,
Один-то я вас здесь холос хожу,
Холос хожу, холостым слыву.
Не знаете ль мни супротивницу,
20 Супротивница супротив меня,
Бровы были бы чорна соболя,
Очи у ей ясна сокола,
Ягодицы будто маковицы,
Походоцька павлиная,
25 Ричь-поговоря — лебединаа.
То штобы мни супротивница,
Супротивница супротив меня.
За стола за стола дубового“.

- Скацы его братьцы крестовый:
30 „Соунышко В[ладимир] ст[ольнокиевский].
Женили меня молодца неволею,
Дородного жанили не охвотой.
Жинитьба была неудачна,
Не в любовь я брава молодую жону,
35 Ей платья много, целовек худой.
Платице лежат на грядочках,
Немила моя жена на правы руки,
На руки лежит, во глаза глядит,
Во глаза глядит, целовать велит,
40 От того я молодец во гульбу пошоу,
Из орды в орду, а из Литвы в Литву.
Зашоу, молодец х королю в Литву,
Служив я молодец там 12 лет,
12 лет я во конюхах
45 У того короля я Литовськаа.
Е у его там дви дочери,
Одна-то Настасия-королевицна,
Она полевница удалая
Ехать и скакать на добрых конях,
50 Промеж обидни и промеж угрени
От Киева проедет до Церьнигова.
Другаа Акулина-королевицна,
Бровы у ей черна соболя,
Очи у ей ясны сокола,
55 Ягодицы будто маковицы,
Походоцька павлиная,
Ричь-поговорь лебединаа,
Будто тебе супротивница,
Супротивница супротив тебя“.
60 Соунышко В[ладимир] ст[ольно]кеевский
Садилиси на добрых коней,
Поехали во землю Литовскую
Ко этому королю ко Литовскому:
„Батюшко король ты Литовский,
65 Литовски земли Польски,
Возьми-тка нас молодцев во служение,
Во служение во конюхи,
Служить будем верой-правдой“.
Служат молодцы оны верой-правдой,
70 Ни коней кормят, красну девушку манят.
Сманили Акулину-королевицну,
Садилиси на добрых коней,
Поезжали в свою сторону,
Напали поганы татары,

- 75 Соўнышко В[ладимир] стольнокееський
Хвѣтаў осице тележноз,
Куды махне — падут улицей,
Перемахне — переукам,
Прибиў поганных татаровей всих,
80 Увѣз Акулину-королевицну в свою сторону.

11

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

- С-пѡд тоґо камня, кѡмня белоґо,
С-под тоґо кустушка ракѣтова
Пала-выпадала матъ Ребра река,
Усьем пала в морѣ Чернѣ.
5 По этой реки выбегает трицѣть кѡраблей,
Трицѣть без единоґо,
Один-то кѡраб высоко летит,
Далечѣ летит,
Хѡрошо кѡраб изукрашен быў,
10 Бѡще тоґо изнаряжен быў:
Нус,¹ кормѡ по звиринѡму,
Бѡка сведены по змиинѡму,
Серед этоґо кѡраблѣ-муравлѣ
Построено было три теремѡ.
15 И вси со верьхамы совивались.
Под берѣг подбегали,
Сходни на берѣг выкѣдывали,
По перьвым сходенкам лужоньим
Шла Соловьѣва рѡдна матушка,
20 По другим сходенкам серебрянным
Шла Соловьѣва дружынушка,
По третѣм сходенкам краснѡ золотѡ
Сам шоў блѡд Соловей Будимировичъ:
„Ай же вы, верньи ключьники,
25 Берите золотѣ ключи,
Отмыкайте кованѣ ларьцѣ,
Берите вы камкѣ по надѡбью,
Которая камкѡ не подгибѡзтѣ.
Сходите-ко на конну на гороцьку,
30 Просите-ко мистецька немношецько
Построите трѣ терема,
Три теремѡ златѣ верьхѣ.“
Сходили на конну гороцьку,

- 35 Спросили мистецька немношецько,
Построили три теремѡ.
Во перьвозѣ во тѣрѣму
Соловьѣва рѡдна матушка
Господу богу молилась,
40 А во вторѡѣм тѣрѣму
Дружынушка еґѡ спасалась,
А во третѣѣм тѣрѣму
Сам блѡд Соловей Будимировичъ.

¹ Нос.

ПРИМЕЧАНИЯ

Записи А. А. Шахматова даются с соблюдением всех основных особенностей его транскрипции. Допущены лишь следующие отступления от рукописи: 1) расставлены знаки препинания, отсутствующие в рукописи; 2) малые буквы заменены прописными в начале стихов (у А. А. Шахматова единый принцип не выдержан — малые и прописные буквы чередуются); 3) внесено единообразие в пользование прописными и малыми буквами в таких сочетаниях как Настасья королевична, земля Лихецкая и т. п.; 4) разделены слова, написанные слитно, например, сума, беритко, надоль — в тех случаях, когда привычное раздельное написание не меняет их произношения вместе с тем сохранено раздельное написание некоторых слов (за муж, на двоа и т. п.), которые принято писать вместе как наречия; 5) введен дефис во всех случаях, где обычно им пользуются (Киев-град, пей-ка и т.д.); 6) для более удобного пользования текстами пронумерованы стихи. Раскрытие сокращений собирателя дается в квадратных скобках. В рукописи А. А. Шахматова отдельные буквы, слова, начала слов и стихи вычеркнуты. Если перечеркнутое — явная оговорка сказителя — оно нами опускается. Во всех же случаях, где можно предполагать, что А. А. Шахматов вычеркнул некоторые слова уже при вторичном прочтении полевой записи, как нарушающие ритм и последовательность повествования, перечеркнутое сохраняется в круглых скобках.

Подчеркнутые собирателем буквы выделены курсивом. Среди них подчеркнутое *е* означает произношение этого звука вместо обычного в данном случае *ё* (напр. гнется).

Относительно особенностей полевых фольклорных записей А. А. Шахматова следует иметь в виду указания самого собирателя, помещенные в предисловии к его записи сказок в сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки», а именно: 1) что фонетические особенности говоров не выдержаны во всей их последовательности вследствие той быстроты, с которой приходилось записывать...; что записыватель не передавал особыми знаками звуки, неясно слышавшиеся в неударяемых слогах...; что не всюду выдержана расстановка ударения... Подробнее см. «Северные сказки», СПб. 1908, стр. 201—202. Диалектологический материал олонечских фольклорных записей А. А. Шахматова использован в статье Н. П. Гринковой «К изучению олонечских диалектов» («А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов под ред. академика С. П. Обнорского», М.-Л., 1947).

Заглавия былин, отсутствующие в рукописи при самих текстах, за исключением былин №№ 4 и 7, перенесены нами с отдельного листа (Архив АН, фонд 134, оп. 1, № 80, л. 81), на котором А. А. Шахматовым перечислены записанные им былины.

Имеющиеся при текстах заглавия былин №№ 4 и 7 даны, по видимому, самими исполнителями, они приводятся нами в подзаголовках.

Расположение публикуемых текстов соответствует маршруту А. А. Шахматова и порядку его записей в самой рукописи.

Причитания №№ 1—8 записаны в с. Кондопога, Кондопожской вол., от Степаниды Юплиновны Тараевой. К плачу № 8 А. А. Шахматов дал примечание: «Дальше она забыла.» Два последних стиха, поставленные нами в скобки, вычеркнуты Шахматовым, видимо как начало позабытой части причитания.

Былины №№ 1—2 — Бернат Годинович (сюжет «Чурила и неверная жена») и Ставер Годинович — записаны там же от той же исполнительницы. Со слов «на его ребра бравыи» (стр. 52, стих 86) текст был записан вначале без разделения на стихи. Затем было внесено разделение, но лишь кончая 120-м стихом. Однако и последующие 8 стихов легко было выделить, что мы и сделали. Разделение на абзацы в конечной (прозаической) части былины также произведено редактором.

№ 3. Добрыня (сюжет «Добрыня и Алеша») — записано в с. Лижма, Кондопожской вол. Запись не сопровождается указанием на исполнителя. Ей предшествует в рукописи свадебная причет, записанная от старухи Архиповой.

№ 4. Разбойники и сестра — записано в д. Лукин остров, Кондопожской вол., от женщины Михайловны, 30 л. От нее же записаны 3 сказки, см. Н. Е. Ончуков «Северные сказки», СПб 1909. №№ 113, 151.

№ 5. Василий Окульевич — записано в с. Горка, Кондопожской вол., запись сопровождается пометкой — «от старухи».

№ 6. Дюк — записано там же с указанием — «от другой старухи». От нее же записана одна песня.

№ 7—9. Потык, Чурила Пленкович, Дунай Иванович — записаны в д. Загорье, Толвуйской вол., от Андрея Тимофеевича (по прозвищу Кумоха).

№ 10. Дунай Иванович — записано в д. Палтега; имеется пометка — «от женщины средних лет».

№ 11. Соловей Будимирович — записано там же, указано — «от старухи». От нее же записаны 2 сказки, см. у Ончукова №№ 125 и 126.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

Ба́ять — говорить.
Баса́ (не ради красы и не ради басы) — краса.
Ба́ще (баще то́го изнаряжен быу) — краше, лучше.
Безуёмный (я вдова да безуемная) — безутешный.
Белоя́ровый (зоблет пшочу да белоюрю) — постоянный эпитет
лшена, означающий высокое его качество.
Блад — млад.
Брю́дга — провожатая жениха, женщина из родни жениха — уча-
стница свадебного поезда.
Веретёни́щю (змея-веретенищю) — веретенища, медяница, вид змей.
Ветля́ный — приветливый.
Вещи́на (свою вещьину бережет) — добро.
Во́ля (на первый клала гвоздичок... волюю свою волюшку) —
девичий головной убор в виде широкой ленты.
Вы́здынуть — поднять.
Выща́пливать (станем щипить да выщипливать) — щеголять.
Грядочка (увидеу еи на грядочки шелкову плеточку) — пере-
кладина, шест или жердь для вешанья одежды и других предметов.
Гряно́вый ты (палата гряновитая, пороги гряновитыи) — со
многими гранями.
Домови́ще — гроб.
Жи́вот (я справедливо видь живот делю) — имущество.
За́вязка — завеска, завеса, занавесь.
Запо́ина (кабацкая запина) — пьяница, пьющий запоем.
Зату́лый (затула бела завязь) — опущенный, закрывающий.
Зоба́ть (добрый конь зоблет птену) — есть что-нибудь рассу-
пающееся, жевать.
Кали́ка (калики переходжи) — странник-богомолец, от греческого
слова „калиги“ — особого рода обуви, которую носили странники по
святым местам.
Ка́мка, камочка — шелковая цветная ткань с узорами и разводами.
Карма́витский (стели сукна кармазитские) — кармазинный,
ярко-алого цвета.
Корби́ще (и полетела моя волюшка во корбища во темныи) —
корба, лесная чаша.

Кося́к (косяк камки) — косо отделенная часть чего-либо, здесь —
клин ткани.
Коше́вчатый (окошечко кошевчатое) — косявчатый, косящатый,
из косяков, постоянный эпитет окна.
Кошы́вчатый — см. кошевчатый.
Кра́сота (я на друге окошечко красоту клала девацью) — празд-
ничный головной убор девушки, рзд венца из лент и цветов.
Кру́щатый (камоцики крущатыи) — вместо кружчатый, с узо-
рами, из кругов.
Малосе́нный (милосенная служиночка) — низшая служанка.
Обидный (обидная головушка) — огорченный.
Оборо́ть (возлагаз свой обороть шоуковый) — узда.
Одина́кий (одинака дщъ) — единственный.
Опру́ш (полагала себе опруш медный) — латы, от опруживать,
окружать.
Охво́чь (ен охвоць быу по гореньки погуливать) — охочий, охот-
ник до чего-нибудь.
Па́шица — бедняга.
Пере́ный (переное крылечко) — с перилами.
Побе́дный (победныи голушки) — несчастный, горемычный.
Побо́йный (побойная палица) — боевой.
Поверста́ть (поверстайте меня да во атаманы) — поставить,
взачислить.
Под (на печеньки фарфоровы поды хрустальныи) — выстилка
в русской печи, где кладутся дрова.
Подве́трянник (несут... Дюкову матушку... с подветре-
ника) — подветренная сторона.
Подле́гчить (подлегчись-ко, субарыня, сама сходить) —
потрудиться.
Подлы́гать — лгать.
По́днивь — жемчужная или бисерная бахромка на женском голов-
ном наряде.
Подсо́лнышник (несут ту Дюкову матушку с подсолныш-
ника) — подсолнечное место.
Полё́вница — полница, богатырь, богатырка.
Помету́шиться (у него свет в очах пометушился) — пому-
титься.
Посо́мнечко (е фатерка без посомнецьки) — посом, кровля.
Постре́пливать (ты по кущонки да пострепливай) — постря-
пывать.
Приогба́ять (добрыи людюшки да приогбают) — приобаять,
оговорить.
Приогве́ять (буйны ветрушки меня да приогвеют) — обвеять.
Пругу́литься (все за столом притугулись) — прижаться,
спрятаться.
Пятни́чек — пятник, шпепек, на котором ходит дверь.
Рёбья́ зуба (кроваточка) — вместо рыба́ зуба, из моржовой
кости.
Ретли́вый (сердечко ретливое) — ретивый.
Ровна́кий (поговорочкой чтобы ровнакал) — ровня, чета.
Све́зной (животом свезна) — связанной, подходящий.
Сроч́ный (срочная неделюшка) — чей срок определен.
Стосну́ться (уже я год жила, не стоснулася) — стосноваться.

Стрепёюшка (*тут стала стрепеюшка пострепывать*) — стрепея, стряпуха.

Сыть (*воучья ты сыть*) — корм, еда.

Тисовый (тисовая кровать) — из дерева тиса.

Тяга (*тяга железная*) — дверная ручка, скоба.

Убавляться (*надо мной, девушкой, убавляется*) — забавляться, издеваться.

Упавый (*упавый ты снарядный добрый молодец*) — красивый.

Уповый — см. упавый.

Услицовый (*речь-поговорь услицовая*) — услащенный.

Челядинный (*девка челядинна*) — принадлежащий к челяди, к слугам.

Черкальский (*седло черкальское*) — черкасский, черкесский.

Штофник (*сдавал штофу ен на штофничек*) — сарафан из штофа, плотного шелку.

Шерленый (*три корабля шерленных*) — вместо червленый, красный, постоянный эпитет корабля.

Щерлупчатый (*замкнула замочком щерлупчатым*) — шурупчатый, винтовой.

Щётка (*сам по щетки в землю ушел*) — место у лошади над копытом.

Щипить — щипать, щеголять.

Ягодицы (*ягодицы будто маковицы*) — щеки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. Азадовский. Предисловие	5
С. Шахматова-Коплан. Олонецкие фольклорные в записи А.А. Шахматова	9
А. Астахова. Былины и причитания в записи А.А. Шахматова	18

I. Причитания С. Ю. Тараевой

Свадебные:

1. Господи да боже благослови	32
2. Подойти мни красной девушки	38
3. За столом да за дубовым	42
4. Ты родитель моя матушка	43
5. Ты родитель моя матушка	44
6. Моя любушка любимаа	45

Похоронные:

7. А моя любимаа советна ты законаа семеюшка	46
8. Мой ты милый братец родимый	47

II. Былины

Кондопога

Записи от С. Ю. Тараевой:

1. Берият Гоудинович	48
2. Ставер Гоудинович	51

Записи от разных лиц:

3. Добрыня	55
4. Разбойники и сестра (великопостная песнь)	58
5. Василий Окульевич	59
6. Дюк	63

Записки.

Записи от А. Г. Тимофеева (Кумохи):

7. Потык (Михаил Поток сын Иванович)	69
8. Чурила Пленкович	76
9. Дунай Иванович	78

Записи от разных лиц:

10. Дунай Иванович	82
11. Соловей Будимирович	84

Примечания	86
Словарь местных и старинных слов	88

Отв. редактор А. М. Астахова

Подписано к печати 7 сентября 1948 г. 5,75 печ. листа, 5 уч.-авт. листа. Госиздат К-ФССР № 51. Зак № 580. Формат бумаги 60×92 1/16.
Е—05624 Тираж 5000. Цена 5 руб.

Сортавальская книжная типография Управления полиграфической промышленности при совете Министров Карело-Финской ССР,
Сортавала, Карельская, 32.